

Вдовы

Автор:

Линда Плант

Вдовы

Линда Ла Плант

Звезды мирового детектива

Трое грабителей погибают при неудачном налете. В одночасье три женщины стали вдовами. Долли Роулинс, Линда Пирелли и Ширли Миллер, каждая по-своему, тяжело переживают обрушившееся на них горе. Когда Долли открывает банковскую ячейку своего супруга Гарри, то находит там пистолет, деньги и подробные планы ограблений. Она понимает, что у нее есть три варианта: 1) забыть о том, что она нашла; 2) передать тетради мужа в полицию или бандитам, которые хотят подмять под себя преступный бизнес и угрожают ей и другим вдовам; 3) самим совершить ограбление, намеченное их мужьями. Долли решает продолжить дело любимого мужа вместе с Линдой и Ширли, разобраться с полицией и бывшими конкурентами их мужей. План Гарри требовал четырех человек, а погибло только трое. Кто был четвертым и где он сейчас? Смогут ли вдовы совершить ограбление и уйти от полиции? Смогут ли они найти и покарать виновных?

Впервые на русском!

Линда Ла Плант

Вдовы

Lynda La Plante

WIDOWS

© Е. А. Копосова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Лондон, 1984 год

План налета был безупречен. Впрочем, иного от Гарри Роулинса ждать не приходилось. Богатый дилер антиквариата, он сколотил состояние на торговле дорогостоящими картинами, серебром и драгоценностями. Что ни говори, а Гарри и его супруга Долли производили впечатление – многие их побаивались. Но имелась у Роулинса и другая сторона. Как искусный грабитель и спец по отмыванию денег, он снискал среди своих людей глубокое уважение и преданность; при этом он был холодным, расчетливым и беспощадным врагом. Полиция давно подозревала его в преступной деятельности, и тем не менее за решеткой Гарри Роулинс не провел ни дня.

Итак, план был прост и, как в любом деле, возглавляемом Гарри Роулинсом, многократно проработан во всех подробностях. Четверо налетчиков, нацепив балаклавы, по условному сигналу захватят в туннеле под Стрэндом машину инкассаторов. Путь машине преградит хлебный грузовик, за рулем которого будет сидеть кто-то из своих – в нужный момент водитель ударит по тормозам. Как только инкассаторская машина остановится, в дело вступят остальные трое, которые поедут на фургоне «форд-эскорт»: один перекроет на их полосе движение, направив на водителей следующих за ними автомобилей оружие, в то время как двое других взорвут задние дверцы машины инкассаторов с помощью динамитного желатина с детонатором. Затем к ним присоединится водитель хлебного грузовика, и налетчики набьют рюкзаки мешками с наличкой. Затем

трое бегом преодолеют пятьдесят ярдов до выезда из туннеля, где их будет поджидать автомобиль. Четвертый же налетчик задержится, чтобы прикрыть товарищей, а потом уедет на хлебном грузовике в их тайное логово.

Поначалу все шло по плану: хлебный грузовик, машина инкассаторов и «форд» въехали в туннель под Стрэндом. Налетчики – все опытные грабители – приготовились к следующему этапу. Но вдруг случилось непредвиденное: в туннель чуть позади них ворвалась полицейская машина, которая преследовала двух юных угонщиков автомобилей.

Взвыла сирена, и грабитель за рулем «форда» в панике обернулся, чтобы посмотреть, что происходит. В это самое мгновение бандит за рулем хлебного грузовика нажал на тормоз, вынуждая инкассаторскую машину остановиться. Когда водитель «эскорта» вновь обратил взгляд вперед, было уже поздно: фургон врезался в задние двери инкассаторской машины, а в него самого въехали юные угонщики.

Два почти одновременных толчка заставили налетчика на переднем пассажирском сиденье дернуться. Динамитный желатин вылетел из его рук и ударился о приборную доску – произошел взрыв, салон «форда» охватило пламя.

Трое вооруженных грабителей не сумели выбраться из фургона; огонь и дым помешали выломать водительскую дверь. Никто не мог добраться до них, никто не мог им помочь, но все слышали их крики – пока наконец не взорвался топливный бак. «Форд-эскорт» разлетелся на куски.

В ужасной неразберихе, что воцарилась в туннеле, никто не обратил внимания на водителя хлебного грузовика. Несколько секунд он, не веря собственным глазам, смотрел на происходящее, потом запрыгнул обратно в грузовик и умчался из туннеля прочь.

Все три обугленных тела из фургона «форд-эскорт» отвезли в Вестминстерский морг. Спустя два дня судебный патологоанатом вынес официальное заключение о том, что погибшие – это Гарри Роулинс, Джо Пирелли и Терри Миллер.

Поскольку за рулем фургона сидел Гарри Роулинс, он сильнее других пострадал от взрыва. Верхнюю часть его туловища буквально разорвало, череп раздробило

на такие мелкие куски, что его невозможно было собрать, а обе ноги обуглились до костей. Но на запястье израненной и обугленной левой руки остались золотые часы «Ролекс». Гравировка на них с трудом, но читалась: «Гарри от Долли. С любовью, 2.12.1962».

Хотя полицейские с самого начала полагали, что второй труп – это Джо Пирелли, полной уверенности не было из-за того, что с одной стороны лицо его слишком сильно обгорело. Он состоял на учете в полиции, однако взять отпечатки пальцев у погибшего не смогли, так как от обеих его рук почти ничего не осталось. В конце концов призвали судебного стоматолога. Только по снимкам зубов тело смогли опознать с достаточной степенью надежности.

Имевшего три судимости Терри Миллера идентифицировали по частичным отпечаткам большого и указательного пальцев, которые сохранились на его левой руке.

Все трое мужчин были женаты – их супруги теперь стали вдовами.

Глава 1

Долли Роулинс гладила на кухне воротник и манжеты рубашки. Перед этим она тщательно их накрахмалила – так, как любил Гарри. Рядом с женщиной стояла корзина для белья, заполненная отпаренными простынями и наволочками. У ног хозяйки сидел Вулф – маленький белый пудель, которого Гарри принес в дом после того, как Долли родила мертвого младенца. Стоило женщине сделать шаг, как бдительный песик тут же трусил вслед за своей хозяйкой.

Долли стирала, гладила и убиралась с того момента, как вернулась из полиции. Сейчас было начало второго. Время от времени женщина замирала, направив взгляд в пустоту, но потом на нее вновь обрушивалась боль, и Долли возвращалась к работе – делала что угодно, лишь бы заглушить эту боль. Полицейские не позволили ей увидеть тело Гарри под тем предлогом, что оно слишком изувечено, и женщина так и не смогла до конца поверить в случившееся. Все это ложь, повторяла про себя Долли. С минуты на минуту живой и невредимый Гарри вернется домой...

В холодном морге Линда Пирелли словно приросла к полу. Длинные темные волосы обрамляли посеревшее лицо. Ей хотелось не только видеть рядом кого-нибудь из близких, но и много чего еще, однако больше всего на свете и прямо сейчас молодая женщина желала, чтобы все это оказалось дурным сном, от которого она вот-вот очнется.

– Судя по стоматологическим снимкам, это ваш муж, миссис Пирелли. Но поскольку всех зубов мы не нашли, просим вас произвести опознание, – настаивал сотрудник морга. – С одной стороны лицо не так сильно обгорело, и если вы не станете подходить ближе, то все будет в порядке. Готовы?

Прежде чем Линда успела ответить, патологоанатом откинул с трупа белую простыню.

Молодая вдова ахнула, зажала рот ладонью и застыла. Потом она почувствовала, как между ног у нее потекло что-то теплое.

– Туалет... Мне нужен туалет... – пробормотала она едва слышно.

– Это ваш муж Джозеф Пирелли? – спросила Линду сопровождающая ее сотрудница полиции.

– Да-да, это он. А теперь, прошу вас, уведите меня отсюда, – взмолилась несчастная.

Сотрудница полиции подхватила Линду под руку и осторожно повела к туалету.

У Одри, матери Ширли Миллер, закончились и силы, и терпение. Она с отвращением оглядела старое бесформенное платье, собственные голые ноги и сапоги на них. Потом Одри заметила свое отражение в кухонном окне: у крашенных оранжевых волос виднелись седые корни. «Давно следовало заняться собой, а то на человека не похожа», – думала Одри, рассматривая себя в оконном стекле. Из спальни на втором этаже доносились всхлипы – это горько плакала ее дочь.

Ширли лежала на кровати. От рыданий у нее покраснели глаза. Едва девушка утирала слезы, как начинала плакать снова, бесконечно повторяя имя мужа:

– Терри... Терри... Терри... – и прижимая к груди рамку с его фотографией.

Одри принесла дочери поднос с теплым молоком и тостами. Однако Ширли не могла взять в рот ни крошки, так что Одри съела все сама. Жуя, она поглядывала на небольшой портрет Терри в серебряной рамочке, которую Ширли не выпускала из рук.

Пристроившись на краю кровати, Одри окинула взглядом свою прелестную дочь, гордость всей ее жизни. Ширли была настоящей красавицей с пышной фигурой и белокурыми волосами, ниспадающими до плеч. К тому же природа одарила девочку самым мягким и доверчивым нравом. За всю жизнь дочь лишь однажды пошла против воли матери – когда приняла предложение Терри. «Она забудет его, – думала Одри. – Пройдет время, и она снова станет прежней Ширли». Но сейчас лучше было дать дочери выплакаться.

В два часа дня Долли собрала глаженое белье и заставила себя подняться на второй этаж собственного дома в традиционном английском стиле, который она содержала в идеальном порядке. За хозяйкой поплелся сонный Вулф. В гостиной его излюбленным местом для сна был толстый персидский ковер перед роскошным камином. Фотографии на каминной полке рассказывали историю совместной жизни Долли и Гарри: их свадьба в загсе Челси – Долли в костюме от «Шанель» с маленьким букетом белых роз; их медовый месяц в Париже, все годовщины свадьбы, Рождества, благотворительные балы. Зимой Вулф грелся у горящего камина, а летом нежился в прохладе, проникающей в дом через открытое окно. Но когда Гарри уезжал куда-нибудь по делам, Вулф всегда укладывался рядом с Долли на софе красного бархата с золотыми кистями.

Долли открыла дверь в спальню. Прикроватная лампа заливала безукоризненно прибранную комнату мягким уютным светом; затянутые гардины, покрывало и декоративные подушки, выдержанные в одной гамме, лежали на своих местах, нигде ни пылинки, ни складочки. Разложив белье, Долли сунула руку в карман фартука и закурила сотую за день сигарету. Дым наполнил легкие; сердце сдавило непереносимой тяжестью.

Женщина спустилась вниз, распахнула дверцы шкафчика из красного дерева, где была установлена стереосистема, включила проигрыватель и аккуратно опустила на пластинку иглу. Эту пластинку она проигрывала снова и снова с тех пор, как вернулась из полиции: глубокий низкий голос Кэтлин Ферриер, поющей «Life Without Death», немного утешал ее.

В гостиной, с сигаретой в руке, Долли просидела до самого вечера. Верный Вулф, свернувшись калачиком, лежал у ног своей хозяйки. Женщина не плакала – не могла, ее душа словно онемела. Мыслями Долли вернулась в то утро двумя днями ранее, когда Гарри поцеловал ее на прощание. Он сказал, что едет забирать какой-то товар и поездка займет не более двух дней. Каждая секунда без мужа тянулась для Долли вечность. Вчера вечером она готовила к его возвращению лазанью – Гарри любил, чтобы сверху была хрустящая сырная корочка. Тогда и раздался звонок в дверь.

Пока Долли вытирала кухонным полотенцем руки, Вулф, залиvisto лая, уже помчался к входной двери из массива красного дерева. Хозяйка дома вошла вслед за своим питомцем в переднюю и застыла на месте. Сквозь витражные вставки в двери виднелись два темных силуэта. Снова раздался звонок.

Два детектива показали ей свои удостоверения и спросили, дома ли ее супруг. В прошлом полиция уже наведывалась к ним пару раз, поэтому Долли сразу же взяла холодный тон и заявила, что Гарри уехал по делам. Но полицейские велели женщине надеть пальто, туфли и ехать вместе с ними в участок – нужно было идентифицировать некую вещь, принадлежащую, по мнению полиции, мужу Долли. В патрульной машине женщине не удалось ничего узнать, полицейские отказывались отвечать на вопросы, чем очень ее напугали. Что, если они арестовали Гарри? И тогда Долли решила ни о чем не спрашивать и ничего не говорить, пока не разберется в ситуации.

По приезде в участок женщину отвели в холодную голую комнату, где был только пластиковый стол и четыре жестких стула. В присутствии сотрудницы полиции детектив протянул Долли полиэтиленовый пакет для хранения вещественных доказательств. В нем лежали золотые часы «Ролекс» с бриллиантами на циферблате. Едва Долли попыталась достать их, как детектив тут же отобрал у нее пакет.

– Не трогайте! – рявкнул он.

Надев белые резиновые перчатки, полицейский извлек из пакета часы и перевернул циферблатом вниз, чтобы показать полустершуюся гравировку.

– «Гарри от Долли. С любовью, 2.12.1962», – шепотом прочитала Долли. Каким-то чудом ей удавалось сохранять самообладание. – Это часы моего мужа, – сказала она. – То есть часы Гарри.

В следующее мгновение ее мир рухнул.

– Мы сняли их с руки трупа. – Старший по званию детектив сделал паузу. – Труп сильно обгорел.

Долли выхватила из рук полицейского часы и стала пятиться, пока не уперлась спиной в стену. К ней приблизилась женщина-офицер и протянула руку:

– Это вещественное доказательство. Отдайте!

Долли изо всех сил сжала часы в кулаке. Потрясенная известием, она потеряла всякий страх.

– Вы лжете! – завопила несчастная. – Он не погиб. Нет, нет! – Когда драгоценные часы Гарри вырвали наконец из ее пальцев, Долли прошипела: – Я хочу его видеть. Я должна с ним встретиться!

Сотрудница полиции потеряла терпение.

– Там почти не на что смотреть, – холодно обронила она.

Всю обратную дорогу в полицейской машине Долли повторяла себе, что это не Гарри. Однако голос в голове нашептывал ей другое... Эти часы она подарила мужу на десятую годовщину свадьбы. Гарри поцеловал жену и пообещал никогда не снимать подарок с руки. Долли обожала манеру мужа поглядывать на часы: он вытягивал руку вперед, разворачивал к себе запястье и смотрел, как на алмазах играет свет. Без «Ролекса» она его никогда не видела, даже в кровати. На их следующий юбилей Долли подарила Гарри золотую зажигалку «Данхилл», на которой были выгравированы его инициалы. Он рассмеялся и сказал, что, как и часы, эта зажигалка всегда будет с ним.

И все равно Долли не могла смириться с мыслью, что Гарри больше не вернется домой.

Похороны Терри организовала Одри. Приглашены были только самые близкие. После церемонии на кладбище их угостили дома напитками – никаких изысков, все было скромно и просто. Кроме того, Ширли все еще была в таком состоянии, что Одри с большим трудом удалось заставить дочь одеться и выйти из дому.

Грег, младший брат Ширли, помогал как мог, но был слишком юн, чтобы понимать страдания сестры и сочувствовать ее горю. Когда Ширли попыталась прыгнуть в могилу вслед за гробом, Грег так смутился, что тут же прибил к другой, совершенно незнакомой ему, но куда более пристойной траурной процессии.

Надгробие пока не заказали, поскольку денег у семьи не было, а Одри не любила попрошайничать. Тем не менее женщина собиралась решить этот вопрос, как только Ширли немного придет в себя. Одри питала большие надежды на то, что Ширли вернется к своему прежнему занятию – участию в конкурсах красоты. Она была уверена, что дочь с ее ослепительной внешностью сумеет пройти отборочные туры конкурса «Мисс Англия». Более того, Одри уже записала Ширли на промежуточный этап «Мисс Паддингтон»... но сказать об этом дочери решила только после того, как девушка перестанет рыдать дни и ночи напролет.

В тесной муниципальной квартире семейства Пирелли яблоку негде было упасть: на похороны и поминки собрались все многочисленные родственники. Одетые с головы до пят в черное, они громогласно общались по-итальянски. Мать Джо провела на кухне несколько дней подряд, готовя угощение: пасту, пиццу, салями и так далее, – и теперь все это стояло на столе. Линда же была сиротой, ей некого было приглашать. Что касается друзей, то парни из зала игровых автоматов, где она работала, едва знали ее мужа. Вот почему Линда напивалась в одиночку. Она понимала, что за ней наблюдают, что ее ярко-красное платье вызывает всеобщее неодобрение, однако молодой женщине было совершенно наплевать.

Обводя взглядом заплаканные лица многочисленных родственников и знакомых Джо, Линда заметила в дальнем углу гостиной белокурую девицу и узнала в ней

ту шлюху, с которой видела мужа несколько недель назад. Кипя от ярости, молодая вдова проложила себе путь через толпу итальянской родни.

– Кто, черт возьми, пригласил тебя? – взвизгнула Линда.

Она заставит эту дрянь хорошенько запомнить похороны Джо! Линда выплеснула на голову блондинке вино из своего бокала и набросилась бы на нее с кулаками, если бы Джино, младший брат Джо, вовремя не оттащил Линду. Крепко обняв всхлипывающую вдову и нашептывая ей на ухо что-то успокаивающее, подвыпивший парень как бы ненароком положил ладонь на правую грудь невестки.

Убитая горем Долли Роулинс едва прикасалась к еде и почти не отличала день от ночи. Только невероятным усилием воли она сумела дать согласие на похороны супруга. Сейчас вдова сидела в гостиной, одетая в аккуратный черный костюм и черную шляпку с небольшой вуалью, и то и дело разглаживала на пальцах лайковые перчатки, чтобы ощутить под черной кожей обручальное кольцо и помолвочный перстень. Рядом на диване устроился Вулф, привалившись к бедру хозяйки маленьким теплым комочком.

Даже в такой день Долли являла собой образец выдержки: песочного цвета волосы безукоризненно уложены, макияж едва заметен, манеры деловые. Эта женщина ни с кем не станет делиться своим горем. Все равно никто не поймет ее – так пусть даже и не пытается.

Отношения между супругами Роулинс были особенными. Познакомились они в тот период, когда Долли заняла место покойного отца в его лавке подержанных вещей на рынке Петтикот-лейн. В Гарри ее привлекал не шикарный «ягуар», не красота, не обаяние, хотя все это не ускользнуло от взора молодой тогда женщины, нет, их связь была гораздо глубже.

Делая Долли предложение, Гарри преподнес ей кольцо с бриллиантом такого размера, что у невесты перехватило дыхание. Мать Гарри, Айрис, была потрясена поступком своего сына ничуть не меньше, но по причинам иного толка. Она отказывалась верить, что Гарри намерен жениться на какой-то нищей потаскушке. Айрис пришлось растить сына одной. Сначала его отец сидел

в тюрьме за вооруженное ограбление, а выйдя на свободу, довольно скоро скончался от рака. Женщина организовала очень успешный и, по-видимому, законный антикварный бизнес, обеспечила сыну хорошее образование, дала ему возможность много путешествовать для более глубокого знакомства со старинными произведениями искусства, серебром и драгоценными камнями. К тому времени, когда Гарри смог встать во главе ее бизнеса, Айрис, измученная артритом и мигренями, была рада уйти на покой. У нее оставалась лишь одна цель – увидеть сына женатым на богатой девушке из высшего общества с широкими связями. И вот тут Гарри впервые пошел наперекор воле матери.

Долли никогда не рассказывала мужу о том, как она навещала Айрис в одном из самых фешенебельных районов Лондона, в купленной заботливым сыном элегантной квартире. Сама Долли в те времена не могла похвастать элегантностью, но и вульгарной блондинкой, какой рисовала ее себе Айрис, отнюдь не была. Довольно миловидная, крупноватая девушка с руками, знавшими тяжелую работу, Долли держалась скромно и говорила негромко. Айрис пересилила себя и предложила гостье чаю.

– Спасибо, не надо, миссис Роулинс, – отказалась Долли, чей ист-эндский акцент заставил Айрис поморщиться. – Я просто хочу, чтобы вы знали: я люблю Гарри. Нравится вам это или нет, мы все равно поженимся. Ваше неодобрение нашего союза и угрозы только сближают меня с Гарри, потому что он тоже меня любит.

Долли умолкла, давая Айрис возможность ответить – извиниться, например. Но вместо этого Айрис смерила девушку презрительным взглядом и насмешливо фыркнула при виде скромной одежды и незатейливых туфель без каблука.

Пожав плечами, Долли продолжила:

– Мой отец занимался антиквариатом и знал вашего покойного мужа, так что не стоит смотреть на меня сверху вниз. Покойный мистер Роулинс торговал краденым и десять лет отсидел в Пентонвиле за вооруженное ограбление. Всем известно, что свой бизнес вы открыли на деньги, которые он украл. Вам еще очень повезло остаться безнаказанной.

С Айрис никто и никогда так не говорил.

– Ты беременна? – ошарашенная, спросила она.

Долли провела рукой по узкой юбке:

– Нет, миссис Роулинс, не беременна, но я планирую обзавестись семьей. Если вы хотите быть ее частью, то советую попридержать язык. Мы с Гарри поженимся, с вашим разрешением или без него, а угрозы отлучить его от бизнеса не умнее, чем угроза отрезать нос назло лицу. – Девушка повернулась к выходу. – Провожать меня не нужно.

– Если это все из-за денег, – сказала Айрис, – давай я выпишу тебе чек, прямо сейчас. Назови цену.

Долли вытянула вперед левую руку – на пальце сверкал бриллиант помолвочного кольца.

– Я хочу, чтобы рядом с этим перстнем появилось золотое обручальное кольцо, и мое желание бесценно. Мне нужен только Гарри, и я сделаю все, чтобы он был счастлив. Как я уже говорила, вы можете стать частью нашей совместной жизни. Решать вам.

Долли двинулась к двери, и вновь слова Айрис заставили ее остановиться:

– Если собираешься вместе с Гарри заниматься антиквариатом, то постарайся избавиться от своего ужасного акцента.

– Непременно, миссис Роулинс. – Долли оглянулась и посмотрела Айрис прямо в глаза. – Вам ведь это отлично удалось.

Долли терпеть не могла Эдди Роулинса, двоюродного брата Гарри. Раскрасневшийся с мороза, он деловито вошел в гостиную. Внешне мужчина походил на Гарри, но был всего лишь слабой копией последнего.

Эдди потер ладони и кивнул на окно, за которым виднелась похоронная процессия.

– Все приехали, – широко ухмыльнулся он. – Целая очередь выстроилась. Фишеры тоже здесь, не говоря уже о копах – сидят там в машине, наблюдают. Конца процессии даже не видать. Должно быть, тут не менее полусотни машин!

Долли прикусила губу. Она не хотела пышных похорон, но Айрис настояла: Гарри был важным человеком, таких людей хоронят с размахом. Долли понимала, что свекровь тоже страдает, поэтому уступила. Разумеется, благодарности за это она не дождется, но хотя бы избежит лишнего стресса.

Подхватив черную кожаную сумочку, Долли встала, разгладила юбку и прошла в переднюю, где успела глянуть на себя в большое зеркало. У самой двери женщину остановил Эдди и вынул из кармана маленький коричневый сверток. Хотя, кроме них, в настоящий момент в доме никого не было, кузен Гарри наклонился к самому уху Долли и зашептал:

– Это тебе, Долли. Знаю, сейчас не очень-то подходящий момент, но вокруг моего дома шныряет полиция, а Гарри дал мне этот пакетик на хранение, чтобы я передал его тебе в случае чего... – Долли уставилась на сверток, а Эдди переступил с ноги на ногу и склонился к ней еще ближе. – Думаю, это ключи от его тайника.

Долли опустила сверток в сумочку и вслед за Эдди вышла из дому. Она не могла поверить, что сейчас будет хоронить Гарри. Ей хотелось лечь и умереть. Только маленький песик поддерживал в женщине желание жить.

Обитатели соседних домов высыпали на свои газоны. Шагая по дорожке через палисадник, Долли чувствовала на себе их взгляды. На проезжей части выстроились длинной чередой автомобили и терпеливо ждали, когда тронется с места увешанный венками и букетами катафалк. Долли никогда не видела столько сердечек и крестов – они казались яркими вспышками цвета на фоне черных машин.

Эдди подвел Долли к задней дверце «мерседеса» с затемненными стеклами. Когда женщина нагнулась, чтобы сесть, то заметила свекровь в стоящем рядом «роллс-ройсе». Одними губами Айрис прошептала:

– Стерва.

Долли не обратила внимание на оскорбление, как делала на протяжении всей супружеской жизни.

Устроившись на сиденье, вдова кивнула Эдди, чтобы тот ехал вслед за катафалком, который медленно тронулся с места. В зеркале заднего вида кузен Гарри видел, как по пепельно-серому лицу невестки побежали слезы. Не пытаясь их утереть, Долли заговорила напряженным голосом:

– Надеюсь, ты предупредил всех, что после похорон я не устраиваю никакого банкета. Чем раньше это закончится, тем лучше.

– Да, предупредил, – осторожно ответил Эдди. – Но похоже, Айрис пригласила несколько человек к себе. Меня она тоже просила прийти и сказала, что все оплатила.

Долли прикрыла глаза и покачала головой. Айрис, отойдя от дел, не могла содержать себя, и поэтому «все оплатила» означало, что платит на самом деле Гарри. Точнее, отныне платит Долли.

Гарри Роулинса похоронили так, как желала его мать: на кладбище собралось несколько сотен людей, могилу завалили цветами. За всю церемонию Долли ни разу не пошевелилась и не издала ни звука. Она первой пошла прочь от могилы, и вся шумная, назойливая толпа скорбящих подняла склоненные головы, провожая вдову взглядами.

Среди них был и Арни Фишер в темно-синем кашемировом пальто, из-под которого виднелись идеально пошитый костюм и рубашка. Как только машина Долли тронулась, Фишер кивнул здоровенному бугаю, стоящему позади толпы, и Боксер Дэвис тут же протиснулся вперед. Его костюм, напротив, был дешевым и потертым, а рубашка – в пятнах. На большом глупом лице были видны следы слез: траурная церемония его растрогала. Боксер то и дело утирал тыльной стороной ладони приплюснутый нос: беднягу немного просквозило на холодном ветру. Арни Фишер бросил взгляд на удаляющийся «мерседес» Долли и кивком велел Боксеру следовать за автомобилем. Тот смущенно переступил с ноги на ногу:

– Вы не думаете, что лучше обождать хоть несколько дней, а, босс? Ну, в смысле, она только что потеряла мужа.

Арни задержал на Боксере взгляд на пару секунд, снова мотнул головой в сторону «мерседеса» и отвернулся. Разговор был окончен.

В нескольких шагах от машины Фишера стоял младший брат Арни – Тони. Он на добрую голову возвышался над остальными, рядом с ним даже Боксер казался невысоким. Болтая с приятелями, Тони поглаживал бриллиант в мочке правого уха. Похоже, он закончил рассказывать какой-то анекдот, и его кружок по достоинству оценил шутку. В отличие от Арни, Тони был красавцем. Между братьями не было ничего общего, кроме ледяных серо-голубых глаз. Поскольку Арни был близорук, он носил очки без оправы, но даже они не скрывали того факта, что у братьев одинаково бесчувственный, неживой взгляд. Боксер перевел взгляд с Арни на Тони и обратно, а потом послушно направился сквозь редешую толпу скорбящих, чтобы ехать вслед за Долли к огромному пустому дому, где женщина так долго и счастливо жила со своим супругом.

Отдельно от основной толпы скорбящих стоял, прислонившись к надгробию, детектив-сержант Фуллер. Про себя он отметил каждого из присутствующих. «Будто просматриваешь полицейскую базу данных», – думал он. Тут собрался весь цвет преступного мира – и стар и млад. Фуллер был усердным молодым полицейским, который стремился произвести впечатление на начальство, и на это задание – бесполезную трату времени, по его мнению, – отправился неохотно. Его начальник, инспектор Джордж Резник, мечтал поймать Гарри Роулинса дольше, чем Фуллер жил на этом свете.

– Там наверняка будет на что посмотреть, – внушал Резник этим утром Фуллеру и детективу-констеблю Эндрюсу. – На кладбище сегодня съедутся все уголовники Лондона, чтобы отдать Роулинсу последние почести или убедиться, что он точно мертв. Что-нибудь уж там наверняка да случится, и я хочу знать, что именно.

Детектив-инспектор Джордж Резник был убежден в том, что Гарри Роулинс стоял за тремя вооруженными нападениями на инкассаторские машины. Постепенно попытки доказать это превратились в своего рода навязчивую идею. Это бесконечно раздражало Роулинса. В конце концов Гарри принял меры: Резника сфотографировали в момент, когда он принимал конверт от известного преступника. После того как историю слили в газету «Мировые новости», в отношении Резника начали служебное расследование. Несколько месяцев у несчастного инспектора ушло на то, чтобы доказать свою невиновность. Когда

же он вернулся к работе, оказалось, что подмоченная репутация исключила всякие надежды на продвижение по карьерной лестнице. Последнее только усилило лютую ненависть Резника к Роулинсу, и инспектор поклялся, что рано или поздно непременно упечет этого бандита за решетку. Даже смерть преступника ничуть не уменьшила одержимость полицейского.

Фуллеру было плевать на Резника, поскольку – и сержант ни минуты не сомневался в своей правоте – Резнику было плевать на Фуллера, для инспектора поимка проклятого Гарри Роулинса важнее всего и всех. Однако обоих полицейских крайне интересовали Фишеры: что у братьев на уме и с кем они общаются. Вот почему Фуллер следил за ними, как ястреб. Он мечтал о карьерном росте, а Фишеры были самой желанной добычей для любого копа еще до того, как Фуллер пришел в полицию. Теперь, после смерти Роулинса, их арест станет событием века!

Когда траурная церемония завершилась и скорбящие разошлись, Фуллер, лавируя между надгробиями, тоже направился к выходу. Он уже собирался сесть в поджидающий его полицейский автомобиль, когда заметил грязь на своих ботинках за сорок фунтов и, раздосадованный, вытер обувь о траву. С водительского кресла заулыбался констебль Эндрюс, Фуллеру же было не до смеха, тем более что и его лучшие брюки тоже запачкались.

Открыв дверцу, сержант тяжело опустился на сиденье, потом вынул из кармана чистый, белый, идеально выглаженный и ровно сложенный носовой платок, плюнул на него и принялся чистить правую штанину.

– Видел что-нибудь стоящее? – начал Эндрюс, весь последний час наблюдавший за тем, как невыносимо скучает Фуллер.

– Этот придурок Резник может ломать собственную карьеру, как ему вздумается, но испортить мою я не позволю, – буркнул Фуллер.

– Помнится, я читал о нем в «Мировых новостях». – Эндрюс старался быть в курсе всех сплетен, чтобы тем самым заслужить благосклонность сотрудниц участка. – Что-то про отстранение от службы за взяточничество. Продажный коп этот Резник.

– Мне-то какое дело? – Фуллер, нахмурившись, захлопнул дверцу и мотнул головой в знак того, что можно ехать.

– А ведь еще до звания сержанта он получил от комиссара две благодарности за храбрость, – продолжал Эндрюс, заводя машину. – То есть когда-то был хорошим полицейским.

– Сейчас-то что с того?

Все знали, что шансы Резника на повышение близки к нулю. Звание инспектора он умудрялся каким-то чудом удерживать, но каждый раз, когда его имя упоминалось в связи с возможным повышением, кто-нибудь поднимал старую грязь, этим все и заканчивалось. Только недавно старший инспектор их управления Сондерс убедил главу отдела уголовных расследований поручить Резнику какое-нибудь задание. Потом, пусть с неохотой, инспектору дали и крохотную команду для работы по старым нераскрытым делам.

– Любой коп, имеющий хоть какое-то отношение к этому прокуренному динозавру, будет выглядеть таким же нелепым, как он. Я не намерен сдаваться без борьбы, Эндрюс, можешь не сомневаться. – Фуллер раскрыл блокнот, с которым не расставался, и воззрился на список имен, составленный на похоронах. – Резник, как настоящий идиот, все гоняется за привидениями. Нас должны интересовать живые люди.

Автомобиль набирал скорость. Фуллер развернулся в кресле и внимательным взглядом обвел очередь на парковке, выискивая в толпе Арни Фишера, но тот уже уехал. Нахмурившись, сержант забарабанил по блокноту пальцами:

– Давай-ка заедем в логово матери Роулинса, старуха там устраивает поминки. Посмотрим, кто придет отдать последнюю дань уважения этому ублюдку.

Глава 2

Долли сидела в роскошном бархатном кресле и наблюдала за тем, как Боксер осторожно наливает ей бренди. Сам он пил апельсиновый сок, несомненно из

желания произвести хорошее впечатление. И чего ради она вдруг впустила в свой дом этого здоровенного тупицу? Однако, как ни странно, его присутствие немного успокаивало женщину: кажется, Боксер тоже искренне горевал по Гарри. Долли опустила руку, чтобы прикоснуться к Вулфу, который, как всегда, сидел рядом с хозяйкой. Песик поднял морду и лизнул кончики ее пальцев. Долли почувствовала себя страшно одинокой.

Боксер был никем, тем не менее он высоко ценил Гарри и считал его своим другом. Разумеется, никаким другом Гарри ему не был, просто приглядывал за Боксером и давал ему время от времени поручения, и не потому, что тот ему нравился, а чтобы можно было им манипулировать. Боксер же следовал за Гарри, как Вулф за Долли; разница была лишь в том, что Вулфу хватало мозгов распознать ответную любовь.

Они молча выпили. Боксер, так и не присевший, выглядел смущенным, как будто не мог решить, прилично ли будет опустить свое громоздкое тело на один из стульев. Долли кивнула мужчине, и тот сел, поставив уже пустой стакан себе на колено. Женщина чувствовала себя очень уставшей, у нее болела голова, она хотела, чтобы гость наконец ушел, но он все сидел. В конце концов Боксер откашлялся и оттянул ворот рубашки.

– Они охотятся за тетрадями Гарри, – выпалил он.

– Они? – Долли смотрела на собеседника, стараясь не хмуриться. Все свои мысли и чувства она держала при себе.

Боксер опять поднялся и нервно заходил по комнате.

– Долли, теперь я работаю на Фишеров... Они... они хотят заполучить тетради Гарри.

– Не понимаю, о чем ты.

– Они заплатят хорошие деньги. – Голос Боксера слегка дрогнул в попытке выдать жесткое требование за просьбу.

Видимое отсутствие интереса со стороны Долли нервировало Боксера. Женщина хорошо знала одну особенность «дружка» своего мужа: выведенный чем-либо из равновесия, верзила терял бдительность. Еще немного – и Боксер выложит ей все подробности, даже не подозревая об этом.

– За тетради Гарри, – добавил Боксер. – Про них всем известно. Гарри записывал туда имена. Долли, уж ты-то должна быть в курсе. Имена всех, с кем ему приходилось иметь дело, и даже тех, с кем Гарри только хотел поработать. Попади его тетради в лапы копов, и на улицах Лондона не останется ни единого порядочного бандита.

– Я же сказала: я не знаю...

Боксер молниеносно пересек комнату и навис над Долли круглым, как луна, лицом, трясая указательным пальцем. Женщина даже бровью не повела. Она знала: Боксер не злится, он напуган.

– Знаешь! Все ты прекрасно знаешь! Говори же, Куколка, где его чертовы тетради?

В приступе неконтролируемой ярости Долли вскочила на ноги. Боксер попятился.

– Не смей называть меня так, слышишь?! Только Гарри позволено называть меня Куколкой. И не знаю я, о каких тетрадях моего мужа идет речь! И при чем тут вообще братья Фишеры?

Боксер схватил Долли под локоть в тщетной попытке достучаться до нее:

– Гарри нет. Теперь всем заправляют братья Фишеры. Они послали меня к тебе, и если я вернусь с пустыми руками, то следующим к тебе наведается Тони. Так что не усложняй себе жизнь и расскажи мне, где хранятся тетради!

Долли отшатнулась. Ее лицо исказилось от гнева, кулаки сжались так, что ногти вонзились в кожу.

– Ради всего святого, я ведь только его похоронила! – При мысли о том, что место Гарри заняли жалкие шавки Фишеры, горе Долли на мгновение прорвалось наружу.

Боксер тут же проникся к женщине сочувствием, поскольку сам испытывал схожие чувства, и черты его лица смягчило раскаяние.

– Я зайду попозже.

– Не желаю никого видеть! Никого! Убирайся!

– Все хорошо, Долли, не волнуйся. Главное – не ходи ни к кому другому, ладно? Фишерам это не понравится. А я еще вернусь.

– УБИРАЙСЯ... СЕЙЧАС ЖЕ! – выкрикнула Долли и швырнула в Боксера бокал.

Мужчина едва успел уклониться – бокал ударился о дверь и разбился. Вскинув руки – мол, сдаюсь, – Боксер поспешно ретировался.

Как только входная дверь захлопнулась, Долли направилась к проигрывателю. Комнату наполнил густой красивый голос Кэтлин Ферриер, и ярость женщины постепенно улеглась. Долли даже начала тихонько подпевать прекрасному контральто, как вдруг вспомнила о свертке, который передал ей перед похоронами Эдди. Она высыпала содержимое сумочки на пол и, сев на колени, отыскала в ворохе вещей завернутые в бумагу ключи. Долли всей душой желала, чтобы сверток оказался посланием от Гарри. И точно: едва развернув бумагу, вдова увидела знакомый аккуратный почерк:

Банковская ячейка. На имя Г. Р. Смит. Пароль «Хангерфорд». Представься как миссис Г. Р. Смит.

Дальше шло собственно послание:

Дорогая Куколка,

помнишь, как мы вместе ходили в банк, чтобы завести там сейфовую ячейку? Теперь она твоя. Ключи от нее хранятся в моем гараже у Ливерпуль-стрит. Избавься от всего, что найдешь в этой ячейке.

Гарри.

Долли сидела на пушистом молочно-белом ковре с верным Вулфом у ног и прижимала листок к груди. Она перечитывала его снова и снова, стараясь понять, что на нем написано. Там не было ни даты, ни слова о любви, только простые инструкции. В банковской ячейке хранились те самые тетради, о которых спрашивал Боксер Дэвис, в этом не было ни малейшего сомнения. Об их существовании Долли, разумеется, знала, ведь Гарри постоянно что-то записывал и составлял списки. Этому научила Роулинса мать: без надежных контактов – криминальных или вполне легальных – любой бизнес обречен на провал. Именно старуха внушила сыну, что все записи должны храниться под замком. Тогда никто не посмеет пойти против него.

Долли заучила письмо наизусть и затем сожгла его, а ключи нацепила на кольцо к своим ключам. Гарри гордился бы ею. Неся Вулфа на второй этаж, Долли повторяла про себя пароль: «Хангерфорд, Хангерфорд». Запомнить его было нетрудно, как и имя, которым вдове надлежало представиться в банке: сначала «миссис», потом инициалы Гарри, а потом «Смит».

Готовясь ко сну, Долли гадала, сколько заплатили бы Фишеры за то, чтобы добраться до тетрадей Гарри. Женщина расчесала волосы и подошла к окну. Неподалеку от ворот ее дома была припаркована полицейская машина без опознавательных знаков – чтобы следить за ней, Долли Роулинс, не иначе.

– Мерзавцы, – тихонько выругалась женщина и задернула шторы.

Глава 3

Почти два дня дом Роулинсов наводняли полицейские, обыскивали в нем каждый дюйм. Они даже вспороли в детской обивку колыбели и распотрошили перочинным ножом матрасик. «И эти люди считают нас животными», – думала

Долли, сдерживая слезы. Комната их мертворожденного малыша – священное напоминание о мальчике, которого они с Гарри потеряли, – теперь была замарана и осквернена. Долли словно заново пережила утрату ребенка. И хотя женщина была глубоко ранена столь грубым пренебрежением к ее чувствам, виду она не подала.

Закончив обыск в доме, полицейские перебрались во двор. Перекопали весь сад, опустошили все цветочные горшки, просеяли землю, однако не нашли ничего: даже квитанции из химчистки, которая показалась бы подозрительной.

В кабинете все ящики письменного стола Гарри были вывалены на пол, вскрыт каждый конверт, прочитано каждое письмо, вытащена из рамки каждая фотография. На глазах у Долли уничтожался ее прекрасный дом. Однако женщина лишь молча наблюдала за этим варварством, и только напряженная спина выдавала ее гнев. Они ничего не найдут – это Долли знала наверняка. Гарри копам не по зубам. Но, увидев, как на ее диване, перевернутом вверх дном, сидит констебль Эндрюс и разбирает на части рамку с фотографией, Долли взорвалась:

– Поставь это на место, ты, мерзавец! – и попыталась вырвать рамку из лап полицейского.

Эндрюс посмотрел на Фуллера, который в этот момент читал личные письма Долли. Женщина тоже повернулась к сержанту:

– Скажите ему, чтобы не трогал рамку! Это наша последняя совместная фотография на годовщину свадьбы.

Фуллер продолжил чтение.

– Отвезите снимок в Скотленд-Ярд, – бросил сержант Эндрюсу, не удостоив Долли взглядом. – Нам нужен приличный портрет Роулинса, чтобы показать жертвам всех нераскрытых вооруженных ограблений в Лондоне.

Для Долли это стало последней каплей. Она пробралась через разбросанные повсюду вещи к телефону.

– Это произвол! – заявила она Фуллеру. – Я хочу поговорить с вашим начальником. Как его зовут? – (Ответа не последовало.) – Вам придется отвечать за это безобразие! И я хочу, чтобы мне вернули часы мужа... Вы слышите? Я купила их ему в подарок и требую, чтобы мне их вернули! Это все, что от него осталось.

Фуллер по-прежнему игнорировал Долли, что страшно выводило женщину из себя. Она сняла трубку.

– Ваш начальник – кто он? Имя!

Только тогда Фуллер поднял на Долли глаза.

– Детектив-инспектор Джордж Резник, – с усмешкой ответил он.

Долли бросила телефонную трубку, словно та вдруг раскалилась добела. Детектив-инспектор Джордж Резник был единственным человеком, который мог заставить Гарри нервничать. Как-то раз Резник заявился к ним домой, чтобы допросить Долли в связи с нападением на машину инкассаторов и найти доказательства того, что в преступлении замешан Гарри. Тогда Резник пообещал Долли, что Гарри Роулинс все равно получит пожизненное – сколько бы жена его ни выгораживала.

После того случая Долли предупредила Гарри, что с Резником необходимо разобраться раз и навсегда.

– А было бы забавно, – будто мимоходом добавила она, – пустить слухи о том, будто это Резник не чист на руку. Только представь: все бы думали, что он берет взятки, а пресса просто случайно об этом пронюхала.

В следующее воскресенье за завтраком Гарри бросил на стол свежий номер «Мировых новостей». На первой странице лежала в руинах карьера Резника. Гарри улыбнулся жене и открыл бутылку шампанского. Они выпили за то, что больше никогда не увидят этого инспектора.

Но похоже, Резник снова взялся за старое, полагая, что теперь, когда Гарри больше не может защитить себя и жену, запятнать его имя будет гораздо

проще.

– Мой муж мертв, – сказала Фуллеру Долли. – Неужели вам этого недостаточно?

Невысокого роста, плотно сбитый, детектив-инспектор Джордж Резник быстрым шагом шел по коридорам участка – во рту неизменная сигарета, плащ расстегнут, на затылке выдававшая виды шляпа. Под мышкой Резник сжимал тяжелую толстую папку. Проходя мимо кабинетов, он, не замедляя шага, толчком распахивал двери и выкрикивал приказы:

– Фуллер, ко мне, быстро, захвати отчеты! Эндрюс, принеси мне кофе! Элис, чтобы заключения патологоанатома были на моем столе сегодня же!

Резник не видел тех, к кому были обращены его указания, тем не менее знал, что все они будут исполнены. Добравшись до своего кабинета, инспектор достал ключ, отпер дверь, вошел и закрыл ее пинком так, что задребезжало уже треснутое стекло.

Элис, прижимая к груди требуемые документы, выскочила из своей коморки в коридор, где Эндрюс как раз чуть было не налетел на Фуллера.

– Кофеварка сломана! – объявила секретарша.

Эндрюс побледнел. Ох, Резнику это не понравится. И констебль рысцей побежал прочь в поисках другой кофеварки.

Время перевалило за половину десятого, а Фуллер дожидался совещания с девяти утра. Он раздраженно поправил и без того ровный галстук и постучался в кабинет инспектора.

– Войдите! – рявкнул из-за двери Резник.

В кабинете начальника царил обычный беспорядок. Все имеющиеся поверхности были заставлены стаканчиками из-под кофе, переполненными пепельницами и завалены разнообразными бумагами. Даже на полу выстроились стопки папок. Архивный шкаф не закрывался: слишком много всего в него было набито.

Посреди этого хаоса и стоял сейчас Резник с десятой за утро сигаретой в зубах. Инспектор натужно кашлял и читал какой-то документ.

Элис начала прибираться. Действовала она споро: сгребала окурки и пепел в урну, складывала разрозненные листы. Ее задачей было восстановление порядка в беспорядочной жизни Резника, чтобы каждый день он мог видеть за деревьями лес. Без нее он просто потонул бы в бумагах и сигаретном пепле. Элис давно уже работала с Резником и знала, какую пытку пришлось ему претерпеть. Она была рядом с ним на протяжении служебного расследования, видела его в те сокровенные моменты поздним вечером, когда обнажаются самые потаенные чувства, и ясно понимала, чего лишился Резник после того, как Роулинс оболгал его и потом слил компромат в прессу, а именно достоинства и чести офицера полиции, которые, раз потеряв, уже не вернешь, как ни старайся. В участке считали, что Элис – ангел, раз день за днем терпит перепады настроения и дурные привычки Резника, но ей просто нравилось работать с ним. И хотя он буквально за секунду превратился из образцового служащего в посмешище, Элис помнила о его блистательных успехах в прошлые годы, в то время как коллеги незадачливого полицейского будто бы о них забыли. Элис будет ему верна до конца. И только ей Резник говорил «пожалуйста» и «спасибо».

– Элис не выбрасывает мусор из моего кабинета, а сжигает, – сказал Резник Фуллеру. – Я не позволяю уборщикам заходить сюда, чтобы мои документы не попали в чужие руки.

При мысли о том, что Резник на что-то намекает, Фуллер вспыхнул.

Едва Элис разгребла бумаги вокруг телефона, как раздался звонок.

– Что? – рявкнул в трубку Резник.

Слушая собеседника на другом конце провода, он с каждой секундой багровел все сильнее и в конце концов бросил трубку.

– Это полицейский архив, – пробурчал он. – Взбесились на ровном месте. Мол, я взял документы без разрешения, не заполнив необходимые формы. – Резник швырнул Фуллеру смятый листок. – Вот, заполни и отправь этим занудам! И скажи парням, чтобы пошевеливались!

Фуллер отправился подгонять остальных. Эндрюс тем временем притащил поднос с кофе. Резник схватил один стаканчик, закурил очередную сигарету и начал ежедневную процедуру по заполнению только что опустошенных пепельниц. Вскоре вернулся Фуллер в компании с детективами Хоуксом и Ричмондом. Пока все усаживались, Фуллер заполнил просроченный запрос на выдачу документов из архива и отдал его Элис – ей предстояло отправиться в архив лично и там загладить инцидент... в который уже раз.

Резник придвинул стул, плюхнулся на него и разложил на прибранном столе содержимое принесенной из архива папки. Затем инспектор вскрыл конверт от патологоанатомов и высыпал из него пачку больших цветных снимков. На них были запечатлены трупы тех, кто погиб в туннеле под Стрэндом: изувеченные, обожженные, неузнаваемые. Самыми жуткими были обугленные останки Гарри Роулинса – в них, за исключением куска руки с золотыми часами, уже было не опознать человеческое тело.

– Ей даже не пришлось его кремировать, – сострил Резник, выкладывая фотографии на стол.

Откинувшись на спинку стула, инспектор отметил, что Эндрюса его слова шокировали. Фуллер же сохранял свою обычную надменную невозмутимость. Да, Фуллер – неплохой полицейский, только что-то в нем дико раздражало Резника. Вот и теперь – сидит тут с таким видом, будто в заднице у него раскаленная кочерга. Не сумевший найти себе стул и пристроившийся на краю стола, Эндрюс, напротив, полный идиот. Хоукса и Ричмонда Резник знал уже давно – хорошие, старательные копы, но ничего выдающегося. Когда инспектор вернулся к работе после временной отставки в связи с расследованием, лучшие сотрудники участка не изъявляли желания поступить под его командование, так что пришлось ему довольствоваться теми, кого выделило начальство.

Резник склонился к столу, раскрыл свежий отчет и перевел взгляд на команду. Закурил еще одну сигарету, сделал глубокий вдох и выдул облако дыма прямо на Фуллера. Постукивая пальцем по отчету, инспектор другой рукой вытащил увеличенный снимок запястья Роулинса с часами.

– Тут написано, Фуллер, будто мы слишком много времени уделяем этому делу Роулинса. Ты так считаешь? – Фуллер ошетинился и оглянулся на Эндрюса в поисках поддержки, но Резник не дал подчиненному опомниться. – Эй, Фуллер, я же тебя спрашиваю, не его! – Инспектор поднялся. – Думаешь, из-за меня ты зря

теряешь время, да, Фуллер? Что ж, вот что я тебе скажу, ты, узколобый... – С языка Резника едва не сорвалось ругательство. Сдерживая гнев, инспектор сжал кулаки и оперся ими о стол. – Нам досталось расследовать преступление века, именно так, и если ты этого не понимаешь, то, значит, ума у тебя еще меньше, чем я думал. – На это Фуллер закатил глаза, и Резник взорвался: – Ты думаешь: «Ну вот, опять он за свое!» – да? Как только вам пришел приказ пойти под мое начало, наверняка вы только и слышали: «Это он, тот самый недотепа, которого подставили!» Скорее уж кастрировали, а кто это со мной сотворил, а?

Фуллеру не нравилось быть объектом гнева инспектора.

– По-видимому, кто-то из банды Роулинса, сэр, – выдавил он сквозь сердито поджатые губы.

– Вот именно. Но никто из банды Роулинса даже пернуть не посмел бы без его разрешения. Это Роулинс меня подставил! И теперь настала моя очередь прихватить этого ублюдка за яйца и размазать по стенке.

Фуллер посмотрел разъяренному Резнику прямо в глаза:

– Это будет не так-то просто сделать, ведь он мертв.

Молчание в комнате, казалось, длилось целую вечность. Мужчины не отводили друг от друга взгляда. По мнению Фуллера, Резник был конченным человеком. Успешный молодой офицер, со дня на день ожидавший повышения, Фуллер воспринял назначение в команду Резника как удар под дых. Все раздражало его в инспекторе: стоптанные, нечищенные ботинки, засаленная рубашка, исходящий от Резника неприятный запах, вечная сигарета во рту и желтые от табака пальцы... И Фуллер решил, что попытается что-нибудь накопать на начальника. Никаких затруднений этот план не вызвал: историю про взятку знали все, а однажды испачкавшись, уже не отмоешься, рассуждал про себя Фуллер.

Резник засунул руки в карманы, как будто сдерживаясь, чтобы не поколотить строптивого подчиненного. Когда инспектор вновь заговорил, голос его был тихим и спокойным:

– Я имею в виду не самого Роулинса, а всю его систему. И его тетради... в существование которых ты, Фуллер, не веришь, как я понимаю.

Шагая взад-вперед вдоль своего письменного стола, Резник говорил быстро и резко. Он выплевывал слова одно за другим, одновременно заглатывая и выдувая через рот и нос табачный дым.

Потом он стал бросать на стол папки с незакрытыми делами:

– Налет на трассе АЗ, налет на Юстон-роуд, налет в туннеле Блэкуэлл. – Толстый палец Резника поочередно тыкал в папки. – Взгляни на порядок следования машин подозреваемых, Фуллер. Во всех случаях до единого он идентичен, и во всех случаях до единого нападавшим удалось скрыться. И у нас на них ничегошеньки нет, ни одной самой маленькой улики. – Тираду Резника прервал приступ кашля. Отвислые щеки затряслись, от шеи вверх по лицу инспектора разлилась лиловая краска. – И можешь прозакладывать свою жизнь на то, что все они, каждый из этих налетов был задуман Гарри Роулинсом! И почему же я так думаю, а?

Резник остановился, гневно взирая на заносчивого сопляка: не выдаст ли он опять какую-нибудь колкость? На этот раз Фуллер мудро воздержался от замечаний.

– Проглотил язык, Фуллер? – поддел его инспектор. – Давай я за тебя отвечу. Я уверен, что за каждым из этих нераскрытых вооруженных ограблений стоит Гарри Роулинс, потому что *modus operandi* в них абсолютно одинаковый – точно такой же, как в том налете, который отправил проклятого бандита на небеса! И еще я уверен в том, что все эти ограбления описаны в его тетрадях.

Жадный до славы взгляд Фуллера переметнулся с горы папок на красное потное лицо Резника. Инспектор усмехнулся:

– Вот именно. Дюжины преступлений только и ждут, чтобы мы их раскрыли. Уже прикинул, как они украсят твою чистенькую, выглаженную и накрахмаленную служебную характеристику, а?

Резник вперевалку двинулся к белой магнитно-маркерной доске, закрытой большим листом бумаги, и на ходу мотнул головой. Словно школьники, младшие

полицейские гурьбой столпились за спиной начальника.

– Раскроем одно преступление – раскроем их все, – заявил Резник и жестом фокусника сорвал с доски лист. Под ним обнаружилась подробная схема неудавшегося налета в туннеле под Стрэндом и фотоснимки с места взрыва. Красным маркером инспектор обвел изображение хлебного грузовика на схеме. – Примерно такой грузовик свидетель заметил перед машиной инкассаторов. – Затем Резник обвел на схеме изображение «форда». – Это тот фургон, который взорвался и похоронил под собой троих налетчиков. – Уперев указательный палец в изображение хлебного грузовика, Резник вновь отчеканил свою гипотезу: – Во всех этих ограблениях... – он кивнул в сторону наваленных на стол папок, – машины следуют в одном и том же порядке. Водитель-одиночка из первого автомобиля – вот кто нам нужен. Вот кто выведет нас на остальных.

Чувствуя на себе внимательный взгляд Фуллера, Резник чуть не поддался острому желанию врезать наглецу, однако подавил порыв и отошел, чтобы полицейские смогли рассмотреть фотографии с места взрыва. Допивая принесенный Эндрюсом кофе, инспектор следил за тем, как настырный сержант скрупулезно записывает что-то в свой блокнот. За этим занятием Резник не заметил, как закапал себе рубашку.

– Почему мы не нашли этого водителя, Фуллер? И не нашли сам грузовик? Почему это так сложно – отыскать в Вест-Энде хлебный грузовик подобных габаритов? – Вопрос Резника заставил губы Фуллера сердито изогнуться.

Сержант понимал, что инспектор намеренно выводит подчиненного из себя. Из всех сил Фуллер старался справиться с растущим раздражением.

– Ребята искали его день и ночь, – сказал он. – Дело в том, что у нас лишь обрывочное описание грузовика от единственного свидетеля. Вероятно, в нем вообще не хлеб развозили. Это может быть любой большой грузовик белого цвета. И что даже важнее, у нас нет уверенности в том, что тот грузовик имеет к ограблению хоть какое-то отношение.

– Ты что, не слышал, что я только что говорил о *modus operandi*? И если бы ты получше ознакомился с показаниями свидетелей неудавшегося налета, то узнал бы, что человек, ехавший по соседней полосе, отметил, что большой белый грузовик, ехавший перед инкассаторами, резко затормозил. С чего бы это, как

ты думаешь, Фуллер?

– Ну, может быть, перед этим хлебным грузовиком затормозила другая машина, и тот, в свою очередь...

Резник перебил его:

– Водитель грузовика – наш ключ к разгадке этого налета! Иначе с чего бы ему сбегать с места преступления? И попомни мои слова, Фуллер, этот водитель – соучастник. Он специально затормозил, чтобы перекрыть проезд инкассаторам.

Спорить Фуллер не собирался.

– Ну раз вы так считаете... сэр.

От инспектора не ускользнуло, с какой неохотой прозвучало это «сэр», однако он никак не отреагировал, только нахмурился:

– Так считает мое чутье, Фуллер. Водителю того грузовика наверняка известны имена всех, кто был вовлечен в дело, даже тех, кто не принимал участия в самом налете. Поговаривают, будто Гарри Роулинс записывал каждую деталь своих ограблений и информацию обо всех, кто хоть как-то был с ними связан. Если это правда, то человек за рулем того грузовика наверняка знает о записях Роулинса и, может быть, в курсе, где они хранятся. Когда мы найдем эти записи, то раскроем бог знает сколько преступлений, арестуем кучу бандитов. Я хочу допросить каждого, кто хоть раз имел дело с этим ублюдком Роулинсом, в том числе каждого, кто подходил к его жене ближе чем на десять шагов. Установи круглосуточное наблюдение за вдовой, Фуллер, и быстро!

– А как насчет двух других вдов? – спросил Фуллер, недовольно поджав губы.

Резник вновь проигнорировал жест строптивного сотрудника:

– Они не стоят того, чтобы следить за ними более двух суток. Не думаю, что они знают что-то важное.

– Как быть с антикварным магазином Роулинса?

– К черту магазин! Эта лавка – прикрытие, она нужна была Роулинсу для финансирования налетов и отмывания наворованного. Вся бухгалтерия в магазине окажется в идеальном порядке, там комар носа не подточит. Записи Роулинса – вот что мне нужно!

Резник прошествовал к выходу из кабинета и в дверях громко пернул. Инспектор представил, как при этом неприличном звуке перекоилось лицо ненавистного ему Фуллера. Взревев от смеха, Резник прошествовал по коридору. Вслед за ним, стараясь не дышать, повыскакивали из кабинета его подчиненные.

Когда они вернулись в комнату детективов, Фуллер схватил Эндрюса за рукав:

– Ты в курсе, что Роулинс, пока был жив, не провел ни дня за решеткой и даже не был под следствием? У нас есть данные только о его легальном бизнесе. Если он стоял за всеми этими вооруженными налетами, где же деньги? Мы перерыли дом Роулинсов сверху донизу, проверили все счета, открытые и на его имя, и на имя его жены, – ничего. Не нашлось ни единой зацепки.

– Возможно, – кивнул Эндрюс, – Резник ошибается насчет водителя грузовика. Мы опросили миллион пекарен, булочных и супермаркетов, и довольно странно, что так и не вышли ни на грузовик, ни на шофера.

– Черт, разумеется, он ошибается! – взорвался Фуллер. – Но это еще нужно доказать, так что пусть грузовиком займется Хоукс, а ты и Ричмонд отправляйтесь к дому Роулинсов. Проверьте, что там подделывает новоиспеченная вдова.

Глава 4

Долли еще раз посмотрела на себя в зеркало туалетного столика, стоящего в спальне. Безукоризненный внешний вид женщины скрывал самые разнообразные эмоции – Долли пришлось взять их под контроль, чтобы сделать то, что нужно. Полицейским в неприметном автомобиле перед домом почти не на что было смотреть из-за плотных кружевных занавесок на большей части окон. Долли же из-за тех же самых занавесок видела копов отлично, но сейчас

необходимо было избавиться от них и без слежки добраться до Слоун-стрит. Там ее дождалась банковская ячейка Гарри. Долли возмущало наглое вторжение полицейских в ее жизнь, их самонадеянная уверенность в том, что рано или поздно она ошибется из-за своего нынешнего «ослабленного состояния» и приведет ищек к какой-то уличке, которая очернит имя Гарри и уничтожит его репутацию. На самом деле их присутствие действовало ровно противоположным образом: хотя в душе Долли умирала от боли, инструкции Гарри придали ей энергии. Пока она следует им, он будет жить.

Долли уверенно поехала по своему обычному маршруту – в салон красоты «У Майры» на Сент-Джонс-Вуд-роуд. По пути вдова бросила взгляд в зеркало заднего вида и убедилась в том, что за ней следует та самая машина без опознавательных знаков, что стояла под окнами ее дома. Когда женщина припарковала свой «мерседес» и направилась к салону красоты, то по пути узнала в мужчине, увязшем в перепалке с двумя женщинами, констебля Эндрюса. Они спорили о том, кто первым заметил свободное место на парковке.

Салон «У Майры» был небольшим, но модным заведением с постоянной и состоятельной клиентурой. Атмосфера тут поддерживалась по-домашнему душевная, и Долли обожала свои визиты сюда дважды в неделю. Дизайн салона отличался простотой и элегантностью, а зеркальные стены позволяли общаться клиенту с мастером, не поворачивая головы. Сама Майра, несмотря на довольно вульгарную внешность, была толковым предпринимателем, и Долли с удовольствием переплачивала за ее услуги. Майра знала, что чашка чая или кофе, печенье и изредка бокал вина превращают стрижку с укладкой в светское мероприятие на полдня. Так она зарабатывала лояльность своих клиенток и отвечала на нее взаимной преданностью.

Сегодня Майра, как всегда, встретила посетительницу в дверях салона, но Долли сразу заговорила о деле:

– Не окажете ли мне одолжение? – Вдова вручила хозяйке салона малютку Вулфа. – Присмотрите за моим песиком часик-другой.

– Но вы, кажется, собирались подкрасить корни, миссис Роулинс? – спросила Майра.

Долли улыбнулась и поцеловала пуделя в макушку.

– Не переживайте, я оплачу процедуру. – С этими словами вдова вынула из сумочки головной платок и через служебный выход выскользнула на улицу.

В конце переулочка Долли поймала такси. Констебль Эндрюс все еще находился в поисках парковочного места, откуда бы хорошо просматривался салон «У Майры».

Коридор, ведущий к сейфам, казался бесконечным. Долли не отпускало ощущение, что за ней наблюдают. Она сильно волновалась, но при этом испытывала какое-то странное возбуждение – чуть ли не пританцовывала на мраморном полу, пока шла туда, где в конце коридора поджидал ее молодой служащий банка в наглаженном костюме. Долли не сводила с него глаз, стремясь убедить его и себя в том, что совершенно не нервничает в этом мире запертых секретов. Ведь в банковских сейфах хранят только их.

Долли бывала в банке всего один раз, с Гарри. Теперь, пока вышколенный клерк задавал положенные вопросы, она боролась с нервной щекоткой в глубине горла и чуть не подписалась своим настоящим именем.

– Сюда, миссис Смит, – указал клерк.

Долли показалось, что фамилию он произнес с некоторым нажимом. Подойдя к лифту, клерк вручил вдове ключ и нажал кнопку подвального этажа.

В подвале Долли встретил охранник. Он провел ее через галерею тяжелых дверей, каждую из которых мужчина отпирал и потом тщательно запирали. Наконец они оказались в стальной камере сейфового хранилища. Последняя дверь с внутренней стороны дублировалась решеткой, которую нужно было отпирать отдельным ключом. Пока охранник открывал внешнюю створку двери и искал ключ для решетки, Долли подумалось о тюремном заключении. Гарри всегда умело избегал ареста. До чего же он был умен и как же им повезло жить той жизнью, какая у них была! Горькая боль немедленно всплыла из глубин желудка и подступила под самое горло. Женщину начало подташнивать. «Шевелись же, – мысленно подгоняла она охранника. – Мне нужно сесть».

В хранилище охранник показал Долли звонок на столе, с помощью которого она должна будет призвать его, когда захочет уйти. Женщина дождалась, чтобы

служащий покинул помещение, и только тогда достала ключ, полученный от Эдди. Она вставила ключ в банковскую ячейку под нужным номером и повернула его. Внутри лежал тяжелый металлический ящик.

Десять минут спустя все содержимое ящика было разложено на столе. У Долли не было времени пересчитывать увесистые пачки банкнот, но она могла предположить, что тут десятки тысяч фунтов. И револьвер тридцать восьмого калибра женщина не стала доставать из-под денег, оставила лежать нетронутым. Все ее внимание было приковано к тетрадам Гарри.

Это были увесистые толстые книги в кожаных переплетах – такие Долли видела в телепостановке по Диккенсу. Каждая страница была аккуратно надписана, пронумерована и заполнена убористым почерком. Первые записи были сделаны почти двадцать лет назад, то есть Гарри вел их на протяжении всей их совместной жизни. Перелистывая страницы, Долли поняла, что некоторые из упомянутых там имен принадлежат людям, которых она считала умершими. Но больше всего потрясла вдову самая последняя книга. Страницу за страницей в ней заполняли списки людей и денег, выплаченных им, а также перечни мест, где были спрятаны те или иные суммы. Вторая половина книги состояла из вырезанных и ровно приклеенных газетных заметок. Должно быть, примерно так выглядит фанатский альбом какой-нибудь кинозвезды, только в данном случае собирались не хвалебные рецензии, а статьи, в которых рассказывалось о вооруженных налетах – очевидно, совершенных Гарри. А рядом с каждой вырезкой – имена. По-видимому, заключила Долли, это участники того или иного ограбления. Теперь понятно, почему Фишеры так рвутся завладеть тетрадями! С их помощью они надолго избавятся от всех конкурентов и унаследуют немалые деньги, припрятанные Гарри после налетов.

По спине Долли пробежал холодок. Женщина и не подозревала, что Гарри организовал и совершил столько тяжких преступлений. Судя по датам, большинство налетов состоялись после ее третьего выкидыша; потом была пауза, которая прервалась, когда их долгожданный мальчик родился мертвым. Долли пронзила острая боль, и все-таки она могла это понять. Для нее нетронутая детская стала убежищем на время приступов депрессии, а вот Гарри никогда не заходил в прелестную небесно-голубую комнату. От семейной трагедии он спасался тем, что с головой уходил в дела, Долли знала это, только думала, что поездки мужа связаны с антикварным бизнесом. Нельзя сказать, что он откровенно лгал ей, просто постарался не уточнять, какими именно «делами» занимался.

Заканчивая листать последнюю тетрадь, Долли вдруг застыла в ужасе. В этой книге убористым, ровным почерком во всех подробностях описывались планы того рейда, в котором мужа настигла смерть: сколько оружия требовалось, какие автомобили использовались, кто участвует, их номера телефонов. Имена Джо Пирелли и Терри Миллера были знакомы Долли. Она встречала их обоих вместе с женами – теперь вдовами – на каком-то светском мероприятии. На мгновение Долли задумалась о том, что делают сейчас две эти женщины, и нечаянно улыбнулась. «Ну уж точно они заняты не тем, чем я», – сказала она себе.

Кропотливо проработанные планы, схемы и рисунки... Да это настоящий сценарий для пьесы. Долли не верилось, что человек, неспособный собрать с пола спальни свою грязную одежду, может быть столь организованным, когда дело касается нападения на хорошо охраняемые инкассаторские машины. С другой стороны, белье, не положенное в стирку, не грозит смертью. Вдруг перед ее глазами возникло почерневшее запястье Гарри. Подавляя приступ тошноты, Долли медленно захлопнула тетрадь. И через пару секунд открыла снова. Теперь она торопливо переворачивала страницы, желая узнать, какое будущее планировал для них Гарри.

– О боже, – прошептала женщина, когда прочитала, – ты разработал налеты на несколько лет вперед!

Долли не сразу сумела осознать размах задуманного мужем и только потом вспомнила о времени. Она глянула на часы: пора было возвращаться.

В такси женщина тщательно записала в маленький черный ежедневник от «Гуччи» все, что прочитала в тетрадях о неудавшемся налете. Она даже придумала собственный шифр – на тот случай, если копы, следящие за ней, устроят «проверку документов».

В салон Майры Долли вернулась тем же путем, каким его покинула. И тут же увидела через окно, что к главному входу приближается один из полицейских. Моментально приняв решение, женщина скинула плащ, схватила со столика журнал и уселась под фен в тот самый миг, когда коп открыл дверь. Долли невинно улыбнулась, и полицейскому оставалось только ретироваться со смущенным видом. А предприимчивая вдова достала ежедневник, чтобы перечитать записанное.

Глава 5

Арни Фишер пребывал в бешенстве – в бешенстве того сорта, которое в детстве заканчивалось вынужденным сидением в запертом шкафу. Он бегал вокруг огромного письменного стола, холодные голубые глаза искрились гневом, в углах тонких губ пенилась слюна. На мужчине был бледно-серый костюм, сшитые на заказ серые туфли и шелковый серебристый галстук, наполовину стянутый с шеи. Арни вытащил один из ящиков стола и метнул в другой конец комнаты.

В его офисе на Бервик-стрит в Сохо только что закончили ремонт. Теперь и бархатные обои, и пушистый ковер стали одинаково зелеными, оттенка бильярдного стола. Еще Арни заказал новую мебель: два массивных кожаных дивана, книжный стеллаж красного дерева и кофейный столик на гнутых ножках. Газовый камин, имитирующий дровяной, был наполовину вынут из своей ниши в ожидании подсоединения к газу. На краю кофейного столика опасно кренилась еще не повешенная хрустальная люстра, а рядом на полу стопкой лежали спортивные постеры – им предстояло разместиться на зеленых стенах. Стремясь показать себя человеком со вкусом, Арни сотворил мрачную, уродливую комнату. Даже в ванной он распорядился установить темно-зеленую ванну, зеленую раковину и золотые краны. Ему хотелось и биде, но пришлось отказаться от этой идеи из-за нехватки места. Арни готовился покорить мир: новый офис, новая делянка – как только он добудет тетради Роулинса, его никто и ничто не остановит.

Послышался шум смыва унитаза, и из ванной комнаты вышел Тони, на ходу застегивая молнию и поправляя в штанах свои яйца. Руки он никогда не мыл.

– Кому ты поручил это сделать? – спросил Арни, показывая на письменный стол.

– Сделать – что?

Арни шлепнул по столешнице ладонью:

– Я же просил шеллачную политуру! Ведь это, черт побери, антиквариат! А какой-то рукожоп взял и покрыл его поганым лаком!

Вне себя, Арни брызгал слюной, которую время от времени утирал смятым шелковым платком. Несколько раз он ударил по столу кулаком, выплескивая негодование. Потом достал из кармана шариковую ручку и, ухватив ее как нож, процарапал на полировке глубокую линию.

Тони только пожал плечами – буйство Арни его не пугало.

– Это обошлось всего-то в сотню фунтов, – заметил он. – Должен радоваться!

Арни вытащил из стола второй ящик и бросил вслед первому. Ящик пролетел всего в паре дюймов от виска Тони, но тот снова даже не моргнул глазом. Его никогда не трогали истерики брата. Сколько их ни было на его памяти, все они неизменно заканчивались. Настораживаться следовало только тогда, когда брат вдруг начинал быть ласковым, растягивая в улыбке тонкие губы. Сейчас же они были плотно сжаты, и лишь желваки ходили на лице разъяренного Арни. Тони вышел из офиса, а вместо него туда вошел Боксер Дэвис.

Арни овладел собой и нежно провел рукой по столешнице.

– Ты только посмотри, Боксер. Это инкрустированное дерево, а этот идиот... – Арни умолк, чтобы снова не разозлиться. – У моего брата нет вкуса. Нет чувства прекрасного.

Боксер, разумеется, в этом смысле был ничуть не лучше Тони, но ему хотя бы хватило ума изобразить сочувствие. Арни уселся в обтянутое кожей кресло и закинул руки за голову.

– Ну, чем порадуешь, Боксер? – спросил он.

– Да особо ничем, мистер Фишер. Я сказал, что вы готовы хорошо заплатить за тетради Гарри, но она и ухом не повела. Если хотите знать мое мнение, то Долли не знает, где они.

– Мне не нужно твое мнение! – заорал Арни.

В двери показалась голова Тони – он решил проверить, все ли в порядке.

– Если дадите мне чуть больше времени, я попробую еще разок, мистер Фишер, – залепетал Боксер. – Долли все еще очень расстроена. Когда успокоится, с ней будет легче разговаривать.

Тони встал почти вплотную к правому плечу Боксера, пока тот мямлил свои жалкие оправдания. Тони до смерти хотел встрять, покуражиться над этим слабым, жалким человечешкой. А Боксер опустил голову и переминался с ноги на ногу.

– Закончил? – спросил Тони, придвигаясь еще ближе к Боксеру.

Арни приподнял руку – одно, едва заметное движение кисти, но Тони тут же умолк. Потом Арни качнул головой. Тони вознамерился было упереться, однако при виде той самой неприятной улыбки на плотно сжатых губах передумал и вышел.

Боксеру стало совсем неудобно. Он боялся Арни, ненавидел себя за это, но каждый раз при виде низкорослого гомика с ним едва не приключалась медвежья болезнь. Никогда не знаешь, что у Арни на уме. Тони – тот совсем другой. Настоящий бабник, готовый прыгнуть в постель ко всякой, у кого есть две руки и две ноги. И чуть что, бросался на всех с кулаками. Порой Тони вообще начинал молотить направо и налево, но, по крайней мере, было понятно, чего от него ждать. Взгляд Арни пугал гораздо сильнее, чем кулаки Тони.

– Видишь ли, Боксер, время – это непозволительная роскошь, – сказал Арни. – Ты ведь понимаешь, какого рода записи вел Гарри?

– Понимаю, мистер Фишер, понимаю и делаю все, что в моих силах.

– Твои силы – дерьмо собачье. Когда именно ты говорил с Долли Роулинс? Я послал тебя к ней три дня назад.

Боксер, заикаясь, снова стал лепетать оправдания:

– Я не хотел возвращаться с пустыми руками, мистер Фишер. Понимаете, я пытался придумать, как бы к ней подступиться, чтобы она согласилась. Но ничего не придумал и решил, что лучше прийти к вам и рассказать как есть. Но ей я прямо сказал... я сказал: «Не ходи ни к кому другому, потому что мистер Фишер будет очень сердиться». Она не наделает глупостей, честное слово, не наделает.

– Да ты, кажется, вот-вот в штаны наложишь, да, Боксер? Дело тебе не по плечу, как я посмотрю? Не потянешь? Хочешь, чтобы Долли Роулинс занялся Тони, не так ли? А?

Боксер точно знал, что сделал бы Тони, если бы переговоры с Долли поручили ему.

– Нет, не делайте этого, мистер Фишер. Позвольте мне еще раз поговорить с Долли. Пожалуйста!

Арни снял очки и начал медленно их протирать:

– Ты просишь время, и я, пожалуй, дам его тебе. У тебя две недели, сынок, две недели. Если не добудешь тетради Гарри за этот срок, вдову навестит Тони, а ты слышан о его любви к дамочкам, не правда ли?

Зазвонил телефон, Арни снял трубку и тут же изменившимся голосом принялся заигрывать перед собеседником:

– Привет, Карлос. Все в порядке, милый, все хорошо. Подожди секундочку... – Зажав трубку рукой, уже своим обычным голосом Арни обратился к Боксеру: – Проваливай и помни: если кто и упомянут в тетрадях Гарри, так это ты. Ты же работал на этого ублюдка. А теперь убирайся, пока я не натравил на тебя Тони.

Пока Боксер суетливо откланивался, его медленный ум переваривал сказанное. И то правда: это же в его собственных интересах – добраться до записей Гарри. Как-никак он участвовал в паре налетов. Боксер решил, что сегодня же пойдет к Долли, нравится ей это или нет. Он осторожно закрыл за собой дверь кабинета Арни и по лестнице спустился в клуб. И днем и ночью в этом заведении было темно и нечисто; в бордовые бархатные занавеси навечно впиталась вонь сигаретного дыма и пивной отрыжки. Это был едкий, тошнотворный запах.

У подножия лестницы околачивался Тони. Он все-таки позабавится с этим размазней Дэвисом.

– Ну как там, наш великий знаток антиквариата подуспокоился немного?

Боксер попытался проскочить мимо Тони вдоль стенки, да не тут-то было. Младший Фишер перегородил ему путь и встал в боксерскую стойку.

– Давай же, Боксер, давай... покажи мне свою прыть!

Без всякого энтузиазма Боксер выставил перед грудью кулаки, и Тони влепил верзиле с размаху ниже пояса. Держась за живот и хватая ртом воздух, Боксер сложился пополам. Над ним грозно навис Тони.

– Теряешь хватку, солнышко, – сказал он и с довольным видом, хохоча во всю глотку, поскакал вверх по лестнице.

Боксера чуть не вывернуло наизнанку.

Глава 6

Долли из-за занавески в темной спальне наблюдала за копами, которые в свою очередь следили за вдовой. Недалеко от дома у обочины стояла та же машина, которая следовала за Долли до парикмахерской. Женщина улыбнулась про себя и посмотрела на Вулфа, который лежал на кровати, свернувшись калачиком.

– Только представь – припарковался прямо под фонарем, – проворковала хозяйка своему верному другу. – Чтобы мы могли получше разглядеть его тупое, скучающее лицо, да, миленький?

Из автомобиля вылез человек в штатском и куда-то ушел, а Эндрюс, развалившийся на пассажирском сиденье, остался в одиночестве. Долли посерьезнела и спустилась на первый этаж. Вулф, как всегда, потрусил за хозяйкой.

Детектив-констебль Эндрюс отчаянно старался сосредоточиться на Долли. Та вышла из дому без сумочки, в одном плаще – наверняка просто выгуливает собачонку. Эндрюс зевнул. Слежка – занятие утомительное. Он смотрел вслед Долли, пока та шагала по тротуару и останавливалась всякий раз, когда ее крошечный пудель задирает лапу то у дерева, то у стены, то у фонарного столба... На углу песик повернул направо и исчез из виду. Долли, стоя спиной к Эндрюсу, хлопнула в ладони:

– Ко мне! Вулф, немедленно вернись ко мне!

Эндрюсу стало смешно. С таким голосом Долли не бывать кинологом вроде Барбары Вудхаус[1 - Барбара Вудхаус – дрессировщица собак и лошадей, писательница и телеведущая.]. «Если ты супруга вора в законе, – прошептал он, – то я балерина!»

Долли свернула за угол – туда, где скрылся песик. Эндрюсу пришла в голову мысль о том, что надо бы выйти и проследить за женщиной, но было холодно, а вдова всего лишь бегаёт за своей треклятой собачонкой. Однако спустя минуту Долли не вернулась, и тогда констебль занервничал, выскочил из автомобиля и побежал на то место, где в последний раз видел женщину.

– Черт! – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Ни Долли, ни Вулфа нигде не было. Эндрюс вернулся к машине. В ней уже сидел его коллега детектив-констебль Ричмонд с двумя чизбургерами и двумя молочными коктейлями в руках.

– Ты не заметил, куда именно она свернула? – Эндрюс был не на шутку встревожен.

– Кто? – Потом Ричмонд сообразил и ухмыльнулся. – Только не говори мне, что упустил старушку с пуделем!

– Думаешь, Резник станет разбираться, кто из нас следил за вдовой, а кто ходил за бургерами в рабочее время?

Ричмонду не надо было повторять дважды. Еда и напитки, ставшие уликами, полетели в ближайшие кусты, констебль вставил ключ в зажигание.

– Я поведу. Мы ее отыщем.

Долли с Вулфом для начала слились с вечерней толпой на Барнет-роуд, а затем женщина поймала такси в сторону вокзала Ливерпуль-стрит. Двигаясь на юг, такси разминулось с автомобилем Ричмонда – копы кружили по окрестностям. Долли улыбнулась и погладила пуделя, который свернулся калачиком у нее на коленях. Женщина чувствовала, как ее тело наэлектризовано адреналином: сейчас она была близка с Гарри, как никогда.

В зеркало заднего вида таксист заметил, как пассажирка наблюдает за каким-то автомобилем. В своей жизни он перевез достаточно людей, чтобы догадаться: либо у женщины проблемы с законом, либо она возвращается домой к мужу после встречи с любовником. Возраст Долли позволял предположить, что верно, скорее, первое.

Не зная, что за ней тоже наблюдают, Долли приговаривала:

– Мы провели их, Вулф, да, миленький? Мы с тобой обвели их вокруг пальца.

Такси остановилось перед вокзалом. Чтобы сэкономить время, Долли расплатилась без сдачи заранее заготовленной мелочью. Отныне все в ее жизни будет зависеть от того, насколько хорошо она подготовится. Быстро оглядевшись по сторонам и убедившись, что слежки нет, Долли с Вулфом на руках пошла переулками к большим аркам позади вокзала. Там располагались гаражи, которые по большей части использовались в железнодорожном хозяйстве, остальные же сдавались в аренду автомеханикам.

Проход к этим ангарам был грязным, холодным и темным: собственного освещения тут не имелось, а строения располагались довольно плотно друг к другу. Долли медленно двигалась вдоль арочных проемов – пока глаза не привыкли к темноте, идти было опасно. Она искала гараж под номером пятнадцать. В некоторых арках не было ворот, и внутри их зияли огромные пещеры, из которых несло холодом, сыростью и терпким запахом подземелья. Тенями прошлого стояли в них старые, искореженные, ржавые автомобили:

стекла разбиты, колеса сняты, дверцы распахнуты. Пока Долли шла мимо них, она вся испачкалась, порвала о разбитый бампер чулки. В одном из пустующих гаражей перед костром в старой бочке валялись в пьяном ступоре несколько выпивох. Они и не заметили, что мимо кто-то прошел.

В конце концов Долли остановилась перед большими откатными воротами. Вынув из кармана ключи, которые оставил ей Гарри, она попробовала подобрать один из них к навесному замку – и чуть не выронила Вулфа, потому что створка ворот внезапно придвинулась к ней на дюйм или два. С жутким рычанием и лаем изнутри на ворота бросалась собака. Вулф тоже залаял, что привело невидимого пса в еще большую ярость. Долли сжала пасть Вулфа ладонью и сумела расслышать, как бренчит цепь, пока пес продолжал отчаянные броски на ворота. Тогда Долли задрала голову и обнаружила, что это строение под номером тринадцать. Оставалось надеяться, что собачий лай не привлек ничего внимания.

Едва видные, закопченные цифры «1» и «5» были процарапаны в краске на небольшой входной двери, встроенной в деревянные ворота гаража. Вот оно, тайное логово Гарри. Долли попробовала один ключ, второй, и вот маленькая дверь распахнулась перед ней.

Внутри просторного помещения с высокими потолками стояла зловещая тишина, которую взорвало эхо от грохота проходящего поезда. Долли закрыла за собой дверь, опустила Вулфа на пол и включила принесенный с собой карманный фонарик.

В свете узкого луча женщина медленно пробиралась вперед. Вулф возбужденно обнюхивал автомобили-привидения и повиливал хвостиком. Долли была уверена, что песик почуял запах Гарри. Казалось, пудель вне себя от счастья новой встречи с хозяином. Когда Вулф вопросительно поднял к Долли морду, словно хотел спросить: «Ну, где же Гарри?», у вдовы сжалось сердце. Боль утраты охватила ее с новой силой.

Это было мужское логово, на миллионы миль удаленное от безупречного порядка и роскоши их дома. Долли представила, как остальные члены команды внимают каждому слову Гарри, раздающему указания, и почти вживую ощутила запах пота, тяжелой физической работы и тестостерона. Она долго – целую вечность – не могла сдвинуться с места; никогда не доводилось ей бывать в этом гараже, и ее пугали тайны, которые могли обнаружиться в окружающем мраке.

Всю свою замужнюю жизнь Долли пребывала в уверенности, что рано или поздно узнает какой-нибудь секрет Гарри, но она ожидала нечто вроде молодой любовницы. Ее супруг был невероятно красив, а даже лучшие мужчины не устоят перед лестью. Но то, что скрывалось внутри этого гаража... было пострашнее молодой любовницы.

Наконец Долли осмелилась сделать шаг и, вглядываясь в дальний темный угол, не заметила под ногами густой, липкой, маслянистой жижи. Женщина выругалась, когда почувствовала, что ноги промокли. Посмотрев вниз на испорченные туфли, вдова увидела, что посреди лужи сидит Вулф и виляет хвостом.

Долли пробралась вглубь помещения, где висели внутренние деревянные ворота, похожие на те, что закрывали въезд с улицы, и с такой же встроенной дверцей для прохода людей. Она отперла дверцу и нащупала выключатель – на потолке ожили неоновые трубки. Помигав, они залили все белым светом, и Долли с удивлением обнаружила, что в этой половине гаража гораздо чище. Вдоль стен ютились останки нескольких грузовичков, а в центре стоял средних размеров фургон, накрытый брезентом. Долли потянула за край брезента и поморщилась: сломался ноготь. Вулф тем временем метнулся под фургон и стал ожесточенно рыть пол. Его хозяйка опустилась рядом на колени, чтобы узнать о причине такого поведения песика.

Под кусками бетона лежали доски. Долли подняла их и обнаружила в полу яму размером два фута на один, а в ней – что-то завернутое в мешковину. Долли достала сверток. Перед ее взором оказались два обреза. Пистолет в банковской ячейке Гарри был первым доказательством того, что покойный муж Долли был преступником, но тогда она не испытала такого шока, как сейчас. В тот раз ее даже согрела мысль о том, что Гарри оставил ей пистолет, чтобы жена могла постоять за себя, когда его рядом с ней больше не будет. Но эти обрезы предназначались не для обороны, а для вооруженных ограблений. В этот миг Долли была ближе к мужу, чем когда-либо с момента его смерти. Он передал ей ключи от своего тайника и позволил ей – наконец-то! – узнать о себе все. Что делать с этим новым знанием – решать ей, и только ей.

Не прикасаясь к обреза, Долли аккуратно обернула их мешковиной и положила обратно в яму в полу, потом поднялась на ноги. «И все это лежит здесь», – подумалось ей. Все, чем пользовался Гарри для ограблений: машины, фургоны, инструменты для разрезания сейфов, перчатки, обрезы. И теперь они

принадлежат ей. Долли опустила руку в карман измазанного машинным маслом плаща, достала ежедневник и раскрыла на странице с зашифрованными записями, которые она сделала после посещения банка. Итак, все, что нужно было Гарри для совершения следующего налета, записано в его тетрадях, в ее дневнике и в этом логове. Долли щелкнула ручкой и поставила четкую, смелую галочку напротив строчки «2 об.» – 2 обреза. Она улыбнулась, глядя на эту галочку, потому что услышала – почти наяву, – как Гарри одобрительно произносит: «Молодчина, Куколка».

Долли оставила фургон и стала продвигаться вглубь помещения. Гараж оказался огромным. Ее путь лежал к закутку у дальней стены, который соорудили, должно быть, из старых офисных перегородок. Некогда полированное дерево отсырело, лак облез, стекла во многих местах треснули, в углах скопилась паутина и пыль. Долли повернула ручку засаленной двери и шагнула внутрь. На ручке оставались чьи-то отпечатки, по размеру не сильно отличающиеся от пальчиков Долли, и она решила, что это следы пальцев ее мужа и что он сейчас будто бы дотронулся до нее.

В офисе Гарри было голо: раковина и маленькая газовая плитка, письменный стол, пара деревянных разнокалиберных стульев и многочисленные картинки с голыми девицами, приколотые к стенам. Грязные кружки и недоеденное печенье рассказали Долли о том, что именно здесь Гарри и его команда планировали свой последний налет, окончившийся таким чудовищным образом. Долли собрала кружки и отнесла их в давно не чищенную раковину. Когда она повернула вентили крана, в нем сначала раздался стук – это росло давление, заставляя воду бежать по трубам. Затем из крана, плюясь и брызгая во все стороны, вырвалась коричневая струя, и Долли отпрянула, чтобы спасти плащ от капель грязной воды. При этом кружки ударились о раковину, отчего две из них треснули, а у третьей отломилась ручка. Три разбитые кружки – Гарри, Терри и Джо. Набежали слезы, которые так долго сдерживала Долли, но тут, в уединении тайного офиса Гарри, она дала им волю. И они принесли такое облегчение, что у нее закружилась голова, даже пришлось схватиться за край раковины. Долли пыталась справиться с нахлынувшими эмоциями, но ничего не получалось, плотину прорвало, и пока не иссякнет поток, ее не закрыть. Невыносимая горечь от потери Гарри лишала Долли сил; вцепившись в холодный фаянс, она едва держалась на ногах. С опущенной головой Долли могла видеть только Вулфа, сидящего у ее грязных, безнадежно испорченных туфель. И вдруг Долли вспомнила, как Гарри вытащил Боксера буквально из сточной канавы, где тот переживал худший период своей жизни. «Я вижу только собачье дерьмо, – жаловался Боксер сквозь похмельный туман. – Одно дерьмо, куда ни посмотрю».

Гарри взял Боксера за подбородок и сказал: «Тогда смотри выше, приятель. Пока твоя голова опущена, ты не можешь видеть ничего, кроме собачьего дерьма. Так что смотри вверх». Конечно же, никаким приятелем Боксеру Гарри не был, но всегда умел найти правильные слова.

Когда Долли наконец подняла голову, слезы уже высохли. Вулф тут же подскочил к хозяйке. Она в последний раз кинула взгляд на три разбитые кружки, взяла на руки песика и прижала к себе, не обращая внимания на то, что он измазался с ног до головы.

– Все хорошо, миленький, – прошептала Долли. – Мамочка теперь в порядке. Теперь все в порядке.

Глава 7

В спа-салон «Оазис» на Флорал-стрит Линда прибыла ровно в десять и тут же поняла, что ее лучший наряд, который она специально отгладила после звонка Долли, не шел ни в какое сравнение с шикарными платьями фланирующих по салону дам. «Да они за всю жизнь не проработали и дня», – сказала себе молодая женщина и собиралась было уже уйти, как местная администраторша, презрительно смерив Линду взглядом, спросила, кто именно пригласил ее в салон. Едва вдова Пирелли упомянула имя миссис Роулинс, как гостью приняли с расprostертыми объятиями.

В ходе обязательной ознакомительной экскурсии Линда чуть не сгорела со стыда. Столько полуобнаженных женщин сразу она не видела никогда в жизни, и зрелище было не из приятных. Хуже всего была раздевалка: люди расхаживали там туда-сюда в чем мать родила, будто у себя дома. Хотя сама Линда даже дома не ходила голой – вдруг увидит мойщик окон или нагрянут судебные приставы.

Цены в баре были баснословными, и Линда решила, что сбегает в кафе напротив за булочкой с беконом и кофе. Но администраторша сообщила гостье, что достаточно назвать имя миссис Роулинс, и все будет записано на счет последней. Линда пожала плечами: получать что-либо задаром она не привыкла.

– Ну хорошо, тогда я возьму вот это, – сказала молодая женщина, кивая на сэндвич с сыром.

С сэндвичем в руке Линду препроводили в ненавистную раздевалку, где и оставили – дальше придется справляться самой. Полностью одетая, чувствуя себя круглой идиоткой, она стояла среди кабинок и старалась не смотреть на все эти зады и сиськи, бесстыдно разгуливающие вокруг нее. Надолго ее не хватило, и, опустив голову, Линда поспешно двинулась к выходу.

Пробираясь мимо гимнастического зала, Линда случайно глянула на ряд велотренажеров. Сначала она не узнала Ширли – такой похудевшей и измученной та выглядела, но нет, это была она, Ширли Миллер. Линда хотела было подойти к подруге, как дорожку ей преградила одна из ассистенток и проинформировала, что в гимнастический зал можно входить только в форме.

– Эй! – окликнула Линда углубленную в свои мысли Ширли. – Не хочешь перекусить?

Ширли обернулась и, узнав подругу, перестала крутить педали. Линда проскочила мимо администратора в зал. Женщины не обнялись, поскольку ни одна не была уверена в том, что это будет уместно, и Линда просто сказала:

– Давненько мы не виделись, а?

Они быстро установили, что в последний раз общались на какой-то вечеринке года два назад. Линда помнила о событии гораздо меньше Ширли и винила в этом бесплатные напитки для гостей, но Ширли быстро освежила память подруги. Если коротко, то ту вечеринку устраивал Гарри Роулинс, а сюда, в спа-салон, их обеих позвала его жена Долли: позвонила вдруг и сказала прийти.

Ни Ширли, ни Линда не знали точно, зачем их пригласили, но обе надеялись на какую-то денежную компенсацию, иначе зачем еще супруге покойного Роулинса их собирать?

– Ну, какой бы ни была причина, а я побалую себя здесь, сколько успею. Давай и ты не стесняйся! – С этими словами Ширли направилась в раздевалку, а Линда смущенно последовала за ней.

Ширли моментально разделась и завернулась в белое пушистое полотенце, пока Линда, изо всех сил безуспешно изображавшая небрежное равнодушие, рассматривала свои облупившиеся ногти, избегая встречаться с кем-либо взглядом. Ширли подала подруге полотенце.

– Расслабься. Долли платит, – дружелюбно сказала она.

Линда совсем позабыла, как красива Ширли, как естественны ее изящество и женственность. Даже толстое полотенце не скрывало ее прелестной фигуры, а прическа и маникюр были само совершенство. Нет, Линда не собиралась показывать Ширли, как неуютно она себя чувствует здесь, и попыталась отшутиться:

– Местные парни сойдут с ума, увидев меня голой.

– Этот салон только для женщин.

Потерпев поражение, Линда выхватила у Ширли полотенце.

– Трусы с лифчиком снимать все равно не буду. Чтобы не стащили! – буркнула она и скрылась в кабинке в расчете на уединение.

Когда Линда нагнулась, чтобы снять туфли, то встретила взглядом с присевшей на скамью Ширли.

– Твою ж мать! – разлетелся на всю раздевалку вопль Линды. – Какой смысл в этой дурацкой двери, если от нее до пола целых два фута?

А когда Линда опять выпрямилась, то поняла, что кабинка не закрывает ее голову и плечи. Ширли не смогла сдержать смех.

– С тем же успехом можно переодеваться в самом зале. – Линда перекинула обе руки через дверцу, и две вдовы захохотали впервые с тех пор, как получили страшную весть.

К половине двенадцатого подруги перебрались в джакузи, и Ширли с закрытыми глазами наслаждалась бурлящей водой, тогда как Линда сидела на краю ванны,

опустив в воду только ноги. Из-под белого полотенца виднелся ее красный бюстгальтер, от сэндвича повсюду были крошки, но Линда не обращала на это ровным счетом никакого внимания.

– Хороший секс заменяет час на тренажерах, ты это знала? И при этом годовой членский взнос платить не нужно. – Линда засмеялась, затем затолкала в рот остатки сэндвича и сполоснула руки в джакузи. – Конечно, придется пошевелить булками – пластом полежать не получится.

– Может, сменим тему?

– Ну, у меня же теперь нет секса, а с Джо он у нас был почти каждую ночь. – Стоило Линде вспомнить про мужа, как у нее моментально испортилось настроение. – Все никак не могу привыкнуть...

Ширли приоткрыла один глаз и посмотрела на подругу. Неужели месяц без секса – самая большая проблема после того, как твоего мужа разорвало на кусочки, когда он собирался ограбить банк?

К полудню Долли так и не появилась, и Линда начала злиться. Ширли тем временем загорала в солярии совершенно голая, а Линда сидела рядом, пила кофе, жевала шоколадный батончик и жаловалась на безденежье.

– Если она продинамит нас, то выйдет, что я потратила целое состояние на жрачку, о которой не особо-то и мечтала! Мне кажется, я уже успела поправиться. Тоже мне, спа-салон называется.

– Она придет. И говори потише, – шепнула Ширли, успевшая позабыть, что порой Линда ведет себя весьма неприлично, даже в трезвом виде.

А может, Линда таки успела плеснуть водки себе в кофе, потому что говорила все громче и громче. Дважды она бросала крошки печенья попугаям в клетках, развешанных на огромных папоротниках. Администраторы просили этого не делать, но Линда игнорировала их призывы. К тому же она отпускала грубые замечания и смеялась над фигурами некоторых посетительниц салона, не понижая голоса.

Линда не хотела смущать Ширли, просто в этой роскошной обстановке ей было не по себе. Она огляделась вокруг: все эти женщины – избалованные, своенравные, заносчивые, тощие сучки, которые уже и не знают, что делать со своим богатством. И Линда собралась было уходить, как появилась Долли. Вдова Роулинса не спеша направилась к ним с Ширли, облаченная в полотенце и тюрбан. Поднимаясь по ступеням в солярий, она кивнула паре знакомых.

– Боже правый! – фыркнула Линда и ткнула Ширли локтем в бок. – Только посмотри: Лана Тёрнер жива-здоровая и обитает в Лондоне.

– Здравствуй, Линда. Здравствуй, Ширли. Простите, что не послала вам цветы. Это не принято, – с улыбкой сказала Долли.

Линда закусила губу. Снисходительный тон Долли и легкомысленный намек на похороны их мужей мгновенно вызвали в ней раздражение. Такое приветствие не показалось Линде уместным, она бы предпочла «Как дела?», «Давно не виделись», «Мне жаль, что ваши мужья погибли из-за моего».

– Пойдемте в сауну. Там нам никто не помешает. – Долли пошла первой, Ширли и Линда последовали за ней так же послушно, как Вулф, словно инстинктивно знали, что лучше пойти за ней, чем остаться.

Линда раньше не бывала в сауне. Она обильно потела и переживала, не полиняет ли ее атласный бюстгальтер ярко-красного цвета прямо на белое полотенце. Ширли, привычная к сауне, тут же разлеглась на верхней полке.

– Как вы обе поживаете? – спросила Долли бесхитростным тоном, однако с недавних пор она больше не делала ничего без задней мысли; вот и сейчас ей хотелось разузнать поподробнее об этих вдовах, прежде чем поделиться с ними кое-какими своими мыслями в связи с ее последними открытиями.

Ту вечеринку двухлетней давности Долли тоже помнила. Там собрались криминальные элементы со всех уголков Лондона. Если быть честной до конца, то Ширли она почти не заметила и не могла припомнить ни одного сказанного ею слова; Линду же, напротив, невозможно было забыть.

– Терри не оставил денег на ипотеку, и если я не выиграю «Мисс Паддингтон» на следующей неделе, то придется искать работу.

Казалось, Ширли была искренне подавлена такой перспективой. Но с другой стороны, у этой двадцатипятилетней девушки не было ни образования, ни каких-то полезных навыков. О Ширли всегда кто-то заботился, и она не представляла, как выжить в одиночку.

– Прямо сердце кровью обливается, – поддразнила подругу Линда. – А ты попробуй работать в трех местах одновременно, как я, когда Джо в последний раз попал за решетку. И что еще за мисс Паддингтон?

– О, это конкурс красоты! – просияла Ширли и с радостью принялась объяснять: – Меня записала туда мама. Сначала я страшно рассердилась на нее, потому что только-только потеряла Терри. Но приз за первое место – тысяча фунтов и поездка на Майорку на двоих. А еще победительница будет участвовать в следующем сезоне конкурса «Мисс Англия»!

– И потом «Мисс мира», полагаю? – спросила Долли с сарказмом, однако Ширли не заподозрила подвоха.

– Вот именно. – Глаза молодой женщины мечтательно заблестели. – Для меня этот конкурс может стать началом чего-то большого.

Долли перевела взгляд на Линду:

– А как поживаешь ты?

– Вы же знаете Джо. Сегодня густо – завтра пусто. Господи, ну и жарыща тут!

Долли плеснула воды на угли, отчего лучше Линде не стало. Скорее, наоборот.

– Присядь на нижнюю полку. Стоя или на верхних полках гораздо жарче.

Светская болтовня на этом закончилась. Долли перешла к теме, ради которой вызвала сюда обеих вдов.

– Вам известно, что вместо Гарри всем теперь заправляют братья Фишеры?

– Прошел такой слушок, ага, – едва слышно отозвалась Линда, страдающая от перегрева.

– Они тебе досаждают?

– Они нет. Вот копы – те перевернули вверх дном всю квартиру и постоянно ошиваются в игровом зале, достали уже. Если не отстанут, меня точно уволят.

Долли вопросительно посмотрела на Ширли.

– Мою квартиру полицейские обыскивали четыре раза, – сказала Ширли. – А Фишеров – нет, не видела.

Линда к этому времени уже почти не слушала Долли. Все ее силы уходили на то, чтобы не расплавиться.

– Господи, ну и жарница! Какая от этого пекла польза?

Ширли много чего не знала, но в спа-процедурах разбиралась отлично.

– Сауны предназначены для того, чтобы с потом из тела вышли все нечистоты, – объяснила она.

– Я знаю способ попроще, – начала Линда, но ее остановила поднятая ладонь Долли.

– Так, послушайте, я хочу поговорить с вами обеими. Братьям Фишерам и копам нужно одно и то же – информация.

Линда опять попробовала пошутить:

– Хм, а я-то думала, они на меня запали... – но увидела, как мимолетную улыбку Долли сменило более суровое выражение лица.

– Вы знаете, как работал Гарри, – продолжила вдова Роулинса. – Он вел записи по всем, с кем когда-либо работал. Фиксировал имена осведомителей, торговцев

оружием, банкиров. Учитывал, сколько денег получено, сколько заплачено. Фиксировал каждый шаг, со всеми цифрами и датами. Эти записи были гарантией того, что на него никто не донесет и никто его не обманет.

– Не знаю, о чем вы толкуете, Куколка, – сказала Линда, совсем раскисшая от жары.

– Тогда слушай! – отрезала вдова Роулинса. – И не называй меня так. Я этого не люблю. Братья Фишеры хотят заполучить тетради с записями Гарри.

– Зачем? – спросила Ширли.

– Полагаю, их имена тоже там есть, вместе с их сомнительными делишками. Фишеры боятся, что им несдобровать, если копы доберутся до тетрадей.

– А где эти тетради сейчас?

Долли не ожидала от Ширли, не самой сообразительной девушки в сауне, столь разумных вопросов.

– У меня, – невозмутимо ответила она и стала объяснять.

Говорила Долли медленно, чтобы молодым женщинам все было предельно ясно. Ширли с приоткрытым ртом ловила каждое ее слово, а вот Линда запрокинула голову назад, закрыла глаза и молчала, часто дыша.

– Гарри всегда говорил, что хочет обеспечить меня на тот случай, если с ним что-нибудь случится. Он хотел, чтобы команда продолжила его дело. И даже пошутил однажды, что если умрет, то с этими тетрадями его ребята смогут работать по-прежнему. Но Джо и Терри погибли вместе с ним, поэтому теперь все зависит от меня. Я продолжу его дело. Я позабочусь обо всех нас. Я все сделаю так, как хотел Гарри.

Долли, у которой не выступило и капельки пота, посмотрела на внимательное лицо Ширли. Уверенности в том, что вдова Терри Миллера поняла хоть слово, у Долли не было, но, по крайней мере, Ширли слушала – в отличие от Линды, которая вдруг вскочила и заявила:

– Я больше не могу – меня сейчас вырубит!

Долли обратила на Линду полный ярости взгляд. Она тут старается, можно сказать – изливает перед ними душу, а этой грубиянке, видите ли, жарко. И Долли встала, обмотала вокруг себя полотенце и поскорее вышла, пока не наделала глупостей и не ударила Линду по голове ковшиком для воды.

– Да что я не так сделала-то? – обратилась Линда к Ширли, но лицо подруги было таким же сердитым, как у Долли.

– Ты разве не видишь, что она расстроена? – спросила Ширли. – Должно быть, ей еще тяжелее, чем нам. От ее мужа почти ничего не осталось, он обгорел до неузнаваемости. А они были женаты двадцать лет.

Линда прыгнула со скамьи:

– А я что, не расстроена? Если я не подаю вида, это не значит, что мне все равно.

Ширли попыталась успокоить Линду, но та не слушала: расхаживала взад-вперед и грозила высказать Долли все, что о ней думает. Однако Ширли понимала, что то были пустые угрозы. Неожиданно Линда умолкла и села на скамью, подобрав колени и спрятав лицо в ладони.

– Сегодня утром я принимала душ, – слышался ее сдавленный голос, – и мне в глаза попало мыло. Я потянулась за полотенцем, но нечаянно схватила его халат. Он пах Джо. Как если бы он стоял рядом со мной. Но это был всего лишь его халат... – И Линда зарыдала.

У Ширли дрогнули губы, на глазах заблестели слезы, и через мгновение она уже тоже плакала навзрыд, думая обо всех вещах в доме, которые напоминали ей о Терри.

Когда Долли вернулась, то застала девушек рыдающими в объятиях друг друга. Долли постаралась сохранить самообладание, но не выдержала и тоже заплакала. Такое случилось с ней впервые – лить слезы в присутствии других людей, – однако сейчас это было не важно. Она ведь делит горе не с кем-нибудь, а с такими же вдовами, как сама Долли. При них можно не бояться проявить

слабость. Инстинктивно Долли доверяла этим женщинам, а доверие – это то, в чем она нуждалась в данный момент больше всего.

Постепенно слезы высохли, и Долли нашла в себе силы возобновить разговор:

– Когда я приглашала вас сюда, то еще не знала, что именно готова вам сообщить. Однако теперь я знаю. В том, что касается тетрадей Гарри, у нас два варианта...

– У нас? – переспросила Линда, но легкая улыбка Долли заставила ее умолкнуть.

– Гарри планировал налеты на несколько месяцев вперед, в этих тетрадях все подробно расписано. Поэтому если Фишеры завладеют этими записями, то станут лучшими, как Гарри. Итак, первый вариант состоит в том, что мы продаем тетради Гарри Фишерам, а те платят нам процент с каждого дела. Второй вариант такой: мы не продаем записи, а... – Долли сделала глубокий вдох, и Ширли с Линдой подались вперед, ловя каждое слово, – ...сами проворачиваем следующее дело, запланированное Гарри.

Линда истерически захохотала. Ширли молча раскрыла рот.

– Да вы прикалываетесь! – сквозь смех проговорила Линда.

– Если не хотите участвовать, то и не надо. Но одна я не справлюсь, то есть придется продавать тетради. Кто такие братья Фишеры – вы знаете сами, эти лживые и жадные негодяи наверняка меня надуют.

– Но, Долли, ведь мы не можем совершить вооруженный налет, – прошептала Линда.

– Мы вполне можем закончить то, что начали наши мужья. У них был хороший план, и все бы получилось, если бы они не использовали взрывчатку.

Линда и Ширли переглянулись. Они не знали, как реагировать на слова своей новой подруги. Долли сошла с ума? У нее от горя крыша поехала?

Долли продолжала:

– Ничто не мешало мне продать тетради, не говоря вам ни слова, и тогда не пришлось бы делиться, но я хотела быть справедливой по отношению к вам, потому что так поступил бы Гарри... Так вот, у них был отличный план. – И тут настал момент нанести сокрушительный удар. – Я пойму, если вы не согласитесь, и постараюсь выжать из Фишеров как можно больше, хотя бы по две тысячи для каждой из нас. А они сделают то, что задумал Гарри, и положат себе в карман миллион.

– Миллион? – Слово вырвалось у Ширли прежде, чем она успела зажать себе рот.

Линда по сравнению с ней была тертым калачом и знала, что если что-то кажется слишком хорошим, то верить этому не следует. И замужем за Джо она пробыла достаточно долго, чтобы понимать: дело на миллион – опасное дело. Поэтому вдова лишь улыбнулась и покачала головой:

– Миссис Роулинс, за кого вы нас принимаете? За пару наивных дурех, которые сделают все, что им прикажут?

– Вовсе нет, – спокойно ответила Долли. – Между нами больше общего, чем тебе кажется, Линда. Я знаю, что вы сейчас чувствуете, и знаю, как этому помочь. Одно дело. Ради наших мужчин, да. Но и ради нас самих тоже. Даже в большей степени. Для тебя это свобода от игровых залов, где тебе платят вдвое меньше, чем ты заслуживаешь. А тебе, – Долли повернулась к Ширли, – вообще не придется работать ни дня.

Ширли в панике выпалила:

– Я не хочу уезжать из Лондона!

– И не нужно, милочка. Никто не догадается, что это мы. Доверьтесь мне, я точно знаю, что надо делать. – Долли видела, что Ширли и Линда постепенно сдаются, и стала подталкивать их еще ближе к нужному ей решению. – Вы думаете, что Терри и Джо ничего вам не оставили? Нет, они оставили вам меня. Меня, тетради Гарри и следующее дело. Мы с вами никогда не были обычными домохозяйками. Мы знали, чем занимались наши мужья. Мы знали, почему они этим занимались. Гарри не просто так рассказал мне о своих записях. У него была причина, и эта причина – мы. Он не хотел, чтобы вы и я страдали в нищете и одиночестве. Мы

заслуживаем лучшей судьбы, леди. – Долли поднялась. – Подумайте над тем, что я сказала. Я бы не стала предлагать вам такое, если бы не была уверена в успехе. И за все, что нужно будет сделать до ограбления, я вам заплачу наличными.

Линда и Ширли сидели в полной растерянности. Долли чуть не рассмеялась – настолько видно было, как мечутся их мысли.

– Я свяжусь с вами через два дня, – сказала она. – Не пытайтесь сами мне звонить. За мной следит полиция; наверное, и телефон прослушивается. Я потому и пришла сюда позднее, чем вы. Не хочу, чтобы нас видели вместе. И вы тоже уходите поодиночке и не раньше чем через двадцать минут после меня.

С этими словами Долли Роулинс покинула сауну.

Линда и Ширли сидели минут десять не шевелясь с одним и тем же ошарашенным выражением на лице. Первой заговорила Линда:

– Она свихнулась.

– Может, стоит кому-нибудь обо всем рассказать?

– Нам никто не поверит.

Глава 8

Долли кружила на машине по городу целую вечность – ездила в Уайт-Сити и обратно, пытаясь оторваться от полицейских в штатском на все том же автомобиле без опознавательных знаков, но безуспешно.

– Будьте вы прокляты! – вырвалось у нее, когда она вновь увидела их машину в зеркале заднего вида.

Сколько бы Долли ни петляла, они упорно следовали за ней. Спустя пару дней после разговора в сауне она созвонилась с Линдой и Ширли, и те согласились встретиться снова. Долли не хотела опаздывать. Но что тут поделаешь? Надо быть на сто процентов уверенной в том, что за ней не следят, в противном случае ни встречаться, ни как-то связываться с двумя вдовами она не рискнет.

Ей вспомнился один фильм, и Долли улыбнулась, прикидывая, не сработает ли и для нее та уловка, которой воспользовались киногерои. Долли нажала на газ и резко повернула на перекрестке с круговым движением, выезжая из района Шепердс-Буш на Ноттинг-Хилл-Гейт, а оттуда по Бейсуотер-роуд помчалась к триумфальной Мраморной арке. Копы по-прежнему висели у нее на хвосте. Долли несколько раз сменила полосу движения, потом повернула направо к Гайд-парку. Глянув в зеркало, она убедилась, что полицейские отстают от нее на четыре машины. Тогда Долли обогнала тяжеловесную фуру, нырнула в полосу перед ней, а потом резко свернула в служебный проезд отеля «Дорчестер». Через пару секунд Долли с Вулфом на руках уже вышла из «мерседеса» и вручила швейцару автомобильные ключи и десятифунтовую банкноту:

– Припаркуйте машину, любезный. Пообедаю и вернусь за ней через часик. – С этими словами вдова исчезла в дверях отеля.

Швейцар подошел к ее «мерседесу», сел за руль и едва успел завести двигатель, как сзади в него чуть не врезалась машина с мигалкой, из которой прямо на ходу выскочил констебль. Он подбежал к «мерседесу», распахнул водительскую дверцу и схватил швейцара за лацканы.

– Куда она пошла? В какую сторону?

Перепуганный швейцар без слов показал на двери отеля.

Эндрюс ворвался в вестибюль и стал оглядываться в поисках Долли. Ее нигде не было, и никто, даже администратор за стойкой, не видел никого, похожего на Долли. Очередного разноса от Резника, по-видимому, Эндрюсу было не избежать – инспектор еще не простил констебля за тот случай с гамбургерами.

Констебль вернулся в машину, захлопнул за собой дверцу и стал искать свободное место для парковки. Вопреки всему он надеялся, что Долли действительно где-то в отеле, и решил дожидаться ее у «мерседеса». Другого

выхода у него не было.

Линда подошла к гаражам у вокзала Ливерпуль-стрит на пятнадцать минут раньше назначенного времени. Дул пронизывающий ветер, и она отчаянно мерзла. Молодой женщине не пришло в голову, что тут будет настолько темно, поэтому она не взяла с собой фонарик и долго искала во мраке строение под номером пятнадцать. Телефонный звонок Долли не стал для нее неожиданностью; и согласие на новую встречу с ней и Ширли Линда дала без колебаний. Что еще в ее нынешнем положении заставит сердце учащенно биться? После гибели Джо жизнь Линды стала поистине невыносимой. К пустой кровати она никогда не сможет привыкнуть, люди, с которыми она сталкивалась в игровом зале, вызывали у нее отвращение, а полиция обращалась с вдовой как с грязью. И самое главное – ей было чертовски скучно, а скуку Линда ненавидела больше всего на свете. Что там затевает Долли – не так уж важно, Линда с радостью подхватит, заодно сильнее сдружится с Ширли. А может, еще и получит немного денег от Долли.

Линда приблизилась к одному из гаражей, прижалась лицом к деревянным створкам ворот, вглядываясь в щель между ними, и чуть не взвизгнула – на нее бросилась огромная овчарка. Линда поспешно перебежала к следующему строению, подняла руку, чтобы постучать, но не успела.

– Ты рано, – раздалось у нее за спиной.

– Я не знала, сколько буду сюда добираться, а опаздывать не люблю.

Из-за холода Линда была недовольна всем на свете, и Долли сразу это поняла. К счастью, сама она пребывала в приподнятом настроении, ведь ей удалось сбежать от полицейской слежки, а потом она с комфортом прокатилась на такси. Отпирая дверь, Долли улыбнулась Линде:

– Похвальная привычка – не опаздывать.

Внутри помещения Долли невозмутимо закурила, словно не видела, как Линда кутается в плащ и подпрыгивает в попытках согреться. Вместо того чтобы предложить продрогшему человеку чаю, Долли уселась на деревянный ящик, достала черный кожаный ежедневник и в ожидании Ширли стала перечитывать

свои записи. Молча злиться Линда не умела, и в конце концов ее недовольное бормотание заставило Долли заговорить:

– Чайник в дальней комнате, милочка. Мне черный кофе, без сахара. А себе налей, что хочешь.

Линда состроила гримасу, но прошла в комнатку в глубине ангара, где ее ждали три новые кружки, новый чайник и нераспечатанная пачка печенья.

– Ну давайте, расскажите, какой у вас план! – крикнула она Долли.

– Сначалаждемся Ширли, – отозвалась та, не отрывая взгляда от ежедневника. – Сегодня вечером проходит эта самая «Мисс Паддингтон», Ширли не будет еще минут двадцать.

– Могли бы и предупредить! – возмутилась Линда.

– Ты разве была чем-то занята? – Это было обидно, ведь Долли прекрасно знала, что у Линды ничего интересного в жизни не происходит. – Мы команда, Линда.ждемся Ширли.

Сидя в такси рядом с матерью, Ширли чувствовала, что с одного глаза сваливаются накладные ресницы, но поправить их не было сил. Если бы не потекший от слез макияж, выглядела она на миллион долларов – в черном вечернем платье с блестками, на каблуках, с искусственным загаром и таким количеством лака на волосах, что им можно было бы потопить корабль. К плечу все еще был приколот номер участницы конкурса красоты.

И мать, и дочь хранили натянутое молчание. Первой нарушить его решила Одри.

– Я вовсе не имела в виду, что ты проститутка! – прошептала она, надеясь, что таксист не услышит. – Я просто хотела узнать, откуда у тебя деньги на это платье.

Ширли уставилась в окно, стараясь не расплакаться снова.

В течение всего конкурса она не могла сосредоточиться, хотя была гораздо красивее остальных девушек и легко победила бы. Одри невероятно гордилась дочерью и ни секунды не сомневалась, что приз у них в кармане. Но когда Ширли сняла пальто и предстала перед матерью в шикарном новом наряде, та отпустила замечание в том духе, что только проститутки могут позволить себе подобные обновки. И с этого момента все пошло не так. Одри попыталась исправить ситуацию и крепко обняла Ширли перед выходом на сцену: «Порви их всех, доченька. Ты красавица, с тобой никто не сравнится». После чего ляпнула вторую глупость за вечер: «Мы с Терри будем в первом ряду, в центре». Она хотела сказать «с Грегом». Одри кляла себя на чем свет стоит, видя, как задрожали у дочери губы, но даже не успела извиниться, потому что ведущий вызвал Ширли на сцену.

Когда дочь вышла в свет прожекторов, мысли ее были так далеко, что на вопрос о хобби Ширли сумела пробормотать только что-то несвязное насчет овощей и книг.

Вину за фиаско Одри целиком и полностью взяла на себя. Ширли не переубеждала мать, – по правде говоря, голова ее была забита совсем другим. После того как Одри вышла, а такси повезло Ширли к вокзалу Ливерпуль-стрит, ей вспомнились события недельной давности.

Она проторчала в женском туалете в Риджентс-парке не меньше получаса, когда наконец туда деловито вошла Долли и принялась поправлять перед зеркалом макияж.

– Вам удалось улизнуть? – спросила Ширли, имея в виду постоянный полицейский эскорт Долли.

– Нет, – ответила Долли, накладывая свежий слой помады на растянутые губы. – Констебль Эндрюс снаружи, присматривает за Вулфом.

Закончив с макияжем, Долли достала из сумки увесистый конверт и протянула Ширли, которая все еще сомневалась, не розыгрыш ли все это.

– Тут с лихвой хватит на несколько взносов по ипотеке. Ты будешь получать столько же каждый месяц. Встречаемся снова в следующий вторник, сразу после

«Мисс Паддингтон». Все подробности в конверте.

– Долли, я... – залепетала Ширли. – Я не знаю, смогу ли... Ведь надо будет стрелять, да?

– Не переживай. Давай договоримся так: если ты не придешь во вторник, это будет означать, что ты не в деле. Хорошо?

Ширли сжала пальцами конверт. Там прощупывалась пачка купюр.

– Просто вернешь мне деньги, вот и все. – Долли понимающе улыбнулась, после чего без лишних слов ушла.

Когда Ширли наконец посмела выглянуть из туалета, то заметила вдалеке мужчину, – судя по всему, он возвращался к своему автомобилю. Перед тем как сесть в машину, незнакомец оглянулся на Долли, удаляющуюся в противоположном направлении с Вулфом под мышкой. «У этой женщины стальные нервы, – восхитилась про себя Ширли. – И вряд ли в отчете полицейского будет этот эпизод с туалетом».

Линда допивала вторую чашку чая, когда они с Долли услышали стук в главные ворота гаража. Появилась Ширли. Она ковыляла на высоких каблуках по неровному полу, задевая об углы чемоданом и извиняясь за опоздание.

– Черт побери, ну и прикид! – воскликнула Линда. – Долли, гляньте, как она вырядилась. И что это у тебя – накладные ресницы, что ли?

Ширли уронила чемодан прямо в маслянистую лужу, и свеженький автозагар на ее ногах покрылся рябью брызг. Девушка отпрыгнула, сломала каблук и, потеряв равновесие, плюхнулась на капот самой грязной машины в помещении. На глазах у Ширли немедленно выступили слезы.

– У меня восьмое место! Я выставила себя полной идиоткой, еще и маме нагрубила!

Линда попыталась утешить подругу:

– Восьмая – так не последняя же, Ширл. Сколько всего вас там было?

– Десять... – жалобно всхлипнула девушка, и Линде пришлось поскорее отвернуться, чтобы спрятать улыбку.

Ширли поднялась с капота и попыталась отряхнуть сзади свое пальто. Нащупав на ткани что-то липкое, она посмотрела на ладонь – оказалось, машинное масло. Бедняжке страшно было подумать, как теперь выглядит ее прекрасное бежевое пальто. Последней каплей стало открытие, что при падении она сломала ноготь. Утирая слезы, Ширли сказала:

– Я не собиралась приходить.

– Тебя кто-нибудь видел? – спросила Долли, втайне довольная появлением Ширли: всегда приятно, когда все идет по плану.

– Нет. Я вышла перед вокзалом, как вы велели.

– А ты сама кого-нибудь видела?

– Ну разумеется, видела! Это же, черт возьми, вокзал в час пик! – вспылила Ширли, но быстро взяла себя в руки.

Долли попыталась успокоить девушку и принялась поглаживать ее по голове – точь-в-точь как Вулфа, а Линду отправила делать кофе.

– Стоило переться сюда через весь город, чтобы бесплатно поработать официанткой, – бурчала Линда, ставя чайник.

Десять минут спустя три женщины, запасшись чаем, кофе и печеньем с кремом, сидели вокруг большого ящика и рассматривали карты и схемы, которые принесла Долли. Линда жевала сласти, Ширли обкусывала обломанный ноготь, стараясь придать ему приемлемую форму, и отмахивалась от дыма сигареты, которую курила Долли, склонившись над планами и методично записывая в ежедневник то, что требовалось купить, сделать, изучить.

– Главная проблема – как все это нести на себе отсюда... – Долли дополнила свою схему туннеля под Стрэндом аккуратной линией, – в то место, где у нас будет припаркована машина. На ней мы скроемся от преследования. Бежать до нее ярдов пятьдесят.

Долли оторвала глаза от схемы и увидела, что Линда поглощена слизыванием крема с печенья.

– Ты слушаешь? – поинтересовалась женщина.

Линда бойко повторила все, что говорила Долли:

– В туннеле краденый грузовик перегораживает дорогу машине инкассаторов спереди. Еще один краденый фургон блокирует ее сзади. Один стрелок держит под контролем водителей остальных авто. Второй стрелок заставляет инкассаторов открыть дверцы их машины. Затем набиваем рюкзаки деньгами.

– Очень тяжелыми деньгами, – уточнила Ширли.

– Очень тяжелыми деньгами, – согласно повторила Линда. – Пятьдесят ярдов бегом до третьей машины, чтобы скрыться от полиции. – Она явно гордилась собой.

«Строптивая сучка», – подумала Долли. Пока она решила закрыть глаза на дерзость Линды, но сделала мысленную пометку о том, что надо будет заняться ее укрощением.

– Кому-то из нас предстоит научиться пользоваться бензопилой, и вот это по-настоящему тяжелая штука, – продолжила Долли.

– В руках у меня совершенно нет силы, – заметила Ширли. – А вот ноги довольно крепкие, так что рюкзак с деньгами не должен стать проблемой.

– Тебе уже доводилось носить за спиной треть миллиона мелкими купюрами? – сухо спросила Долли.

Ширли сникла. Она слишком устала, чтобы подсчитывать, сколько весит эта мифическая треть миллиона в купюрах, поэтому сменила тему:

– Что будет, если на нас набросятся люди из машин в туннеле?

Ей ответила Линда:

– Ты что, не слышала? Я же только что сказала: один стрелок держит под контролем водителей остальных авто. Стрелок – это я. И пусть твоя хорошенькая головка не тревожится: в мою смену геройствовать никто не осмелится. – Линда ухватила еще одно печенье. – А что насчет взрывчатки?

Долли смерила Линду долгим холодным взглядом, после которого никаких слов уже не требовалось. «Если бы взгляды убивали, я бы давно валялась на полу», – подумала Линда.

– Извиняюсь, – сказала она и потянулась, чтобы утешительно похлопать Долли, но женщина отдернула руку и избежала ненужных сантиментов.

– Скоро я встречусь с осведомителем. Судя по записям Гарри, машина инкассаторов всегда проезжает через этот туннель, но время и маршрут могут различаться. Примерно раз в месяц они перевозят особо крупную сумму, и наша цель – именно такая перевозка, ориентировочно – через четыре месяца. Осведомитель должен назвать точную дату и путь следования, после чего нам нельзя будет терять ни минуты.

Долли наклонилась, доставая что-то из сумки, и Линда с Ширли, переглянувшись, закатили глаза. Два месяца, четыре или шесть – она что, всерьез полагает, будто они сумеют совершить вооруженное ограбление?

Когда Долли выпрямилась, в ее руке было два больших коричневых конверта.

– Найдите себе по машине, – велела Долли, раздавая конверты. – Заплатите наличными и убедитесь, что все налоги на машину оплачены и техосмотр пройден. После дела мы от них избавимся.

Линда открыла конверт и чуть не ахнула. У нее заблестели глаза и по коже побежали мурашки: да тут штуки две, не меньше! Заканчивая собрание, Долли раздала девушкам ключи от гаража, и Линда приняла их с улыбкой до ушей.

– Итак, теперь этот ангар будет нашим штабом, – сказала Долли, завершая встречу. – Приходим и уходим с максимальной осторожностью. – Вторым комплект ключей она протянула Ширли. – Вот он, твой шанс, милочка. Ты с нами или нет?

Ширли прижала к себе конверт с деньгами, взглянула на Линду – та ободряюще закивала – и взяла ключи.

Долли поднялась, вполне удовлетворенная тем, чего удалось достичь за вечер.

– На сегодня всё, – объявила она. – Наиглавнейшее правило: ни одна из вас не должна звонить мне или приходить ко мне домой, я сама свяжусь с вами, когда будет нужно. Кроме денег, в этих конвертах вы найдете список дел. Действовать будем поэтапно. Перво-наперво решите вопрос с машинами, а ты, Ширли, купи одежду – какую именно, указано в твоём конверте.

Согласия своих сообщниц Долли не ждала – она в нём не нуждалась. Ширли и Линда взяли у неё деньги и ключи. Теперь они были одной командой, и главной здесь была она, Долли. Девушки исполняют все, что она им велит, – так же, как Джо и Терри делали все, что им велел Гарри.

– Уходите поодиночке – как из спа-салона. Последняя закрывает. – И Долли ушла, а верный Вулф потрусил за ней следом.

Линда и Ширли остались сидеть перед ящиком с конвертами в руках. Они слышали, как удаляются за воротами шаги Долли и как зашлась в лае злобная овчарка, потом все стихло.

Ширли заговорила первой:

– Линда, тебе страшно?

– Если бы я поверила, что все это правда, то обделалась бы от страха, дорогуша, – засмеялась Линда и вынула из конверта деньги, чтобы пересчитать их.

С этим Ширли была согласна, но ее беспокоило состояние Долли.

– Она слегка того, да?

– Да она как следует того! Послушай, Ширл, я не знаю, почему Долли все это затеяла, но ей как будто бы легче от всех этих дел. И должна признаться, от этих разговоров я тоже чувствую себя лучше, у меня вон мурашки по всему телу.

– Ты просто будешь делать, что она велит, и все?

– Я не гордая. И мне нужны деньги. Джо оставил меня нищей, и у тебя с Терри тоже самое. Долли в конце концов придет в себя, и мы все вернемся к нашей прежней жизни, но пока я не намерена отказываться от денег. Ну а Долли пусть живет в своей маленькой фантазии, мы просто составим ей компанию. – Линда видела, что решение подыграть Долли не дается Ширли так легко, как ей. – Мы делаем ей одолжение, Ширл. Благодаря нам она под присмотром, у нее есть чем себя занять... Без нас она, того и гляди, станет голышом разгуливать по Трафальгарской площади с дорожным конусом на голове.

Для пущей убедительности Линда похлопала Ширли по руке, и та заметила, что на пальце у подруги больше нет обручального кольца. Потом Ширли перевела взгляд на свои длинные тонкие пальцы. Они подрагивали, и от этого ее обручальное кольцо сверкало в тусклом свете гаража. Никакого душевного подъема или, как выразилась Линда, мурашек по всему телу она не ощущала. Если Долли таким способом пытается справиться со своим горем, то смеяться над ней очень стыдно. А если они, три вдовы, взаправду планируют совершить вооруженное ограбление, задуманное их покойными мужьями, то одна мысль об этом приводила Ширли в ужас. Однако конверт с деньгами стал для нее спасательным кругом. Без него она потеряла бы квартиру.

– Ладно, – сказала Линда, помогая Ширли встать на ноги. – Пора по домам.

Шагая по улице к отелю «Дорчестер», Долли отыскала взглядом машину Эндрюса, припаркованную неподалеку. Он был до скуки предсказуем, этот туповатый вояка. Проходя мимо опущенного окошка его машины, женщина не смогла удержаться от насмешливой улыбки. Гостиничному швейцару достались щедрые чаевые, когда он подогнал ей «мерседес», и затем Долли отправилась домой – с видом кошки, наевшейся сливок.

Приехав, Долли заперла гараж, подождала, пока Вулф не сделает свои дела в палисаднике, и наконец вошла в дом. Обычно она пользовалась проходом из гаража в кухню, но сегодня ей хотелось подразнить Эндрюса. Доставая из сумочки ключи от главного входа и отпирая дверь, Долли с гордостью припоминала, с какой ловкостью избавилась сегодня от хвоста. Но едва она вошла в прихожую, самодовольная улыбка сползла с ее лица, с головы до пят ее окатила ледяная волна шока, а глаза обожгли гневные слезы. В ее идеальном доме все было перевернуто вверх дном: ковры в передней сорваны, вазы и статуэтки сброшены на пол, обивка на мебели распорота, растения вытряхнуты из горшков вместе с землей.

Через приоткрытую дверь гостиной лился свет, и Долли неслышно пошла на него, на цыпочках обходя осколки керамики и фарфора. Однако она замерла на месте, услышав звук, с которым пластинка касается проигрывателя. Потом тишину нарушили слова ее любимой песни: «Что мне жизнь без тебя? Что мне жизнь, если ты мертв...» Долли стала медленно открывать дверь – и зажала рот рукой. Комната была разгромлена. Из ее прекрасного дивана торчали пружины, рамки с фотографиями были сброшены на пол и растоптаны. Долли только-только привела дом в порядок после обысков полиции, а теперь это! Ее охватило бешенство, и Долли пнула дверь так, что створка с грохотом ударилась о стоящий у стены комод.

Боксер Дэвис подпрыгнул и уронил рамку с фотографией Гарри, которую держал в руках. Костюм и волосы верзилы были обсыпаны клочками наполнителя из выпотрошенного дивана. Он выглядел настолько нелепо, что страх Долли тут же улетучился. Ни слова не говоря, она подошла к проигрывателю и сняла с пластинки иглу. В наступившей тишине заскулил Вулф. Не понимая, что делать, он бегал по комнате и застревал в разорванных подушках.

– Это не я, Куколка, честное слово, – трусливо занял Боксер.

Долли обернулась к нему и заорала:

– Не смей меня так называть!

Боксер со слезами на глазах умолял Долли выслушать его.

– Я ничего не мог поделаться. Он как с цепи сорвался. Если бы ты была здесь, Долли, он бы и тебя разорвал на куски. Клянусь! Я так рад, что тебя не было! Я и правда ужасно этому рад!

– Кто это сделал? – спросила Долли сквозь стиснутые зубы.

– Тони Фишер. Он считает, что ты знаешь, где Гарри спрятал свои тетради.

– А ты просто стоял рядом и молча смотрел, как он разносит мой дом?

Боксер топтался вокруг Долли, едва не плача от стыда за то, что произошло, и снова и снова повторял, что сам он ничего не трогал.

– Я пытаюсь помочь тебе, Долли. Беспокоюсь за тебя. Они больше не предлагают денег. Им нужны эти тетради.

Долли присела на распоротое бархатное кресло, и Вулф тут же пристроился рядом.

– Я же сказала тебе, что не знаю, где Гарри спрятал свои тетради. Я сказала это тебе и копам.

– Но они не верят. Зато я верю, Долли, верю, что ты не знаешь. Но все равно эти тетради ведь где-то есть, так? Может, нам стоит поискать их вместе? А Тони Фишер хочет еще наведаться к остальным вдовам.

Долли почувствовала, как внутри у нее все сжалось.

– Какого черта ему от них надо? Если я ничего не знаю, то откуда им знать?

– Тони так не думает, Долли. То есть он вообще не думает, а просто мучает кого-нибудь до тех пор, пока не получит желаемого.

Зажав голову руками, Долли отчаянно пыталась сообразить, мог ли Тони узнать о ее встречах с Линдой и Ширли. Действовала она всегда с крайней осторожностью, но все равно переживала.

Боксер опустил перед женщиной на корточки и принялся похлопывать ее по колену, часто моргая, – вылитый орангутан. Долли боролась с желанием ударить его. Противостоять Фишерам, не имея четкого плана, было чистым безумием, а обратиться за помощью не к кому. Значит, во-первых, ей нужно время, чтобы все обдумать, а во-вторых, надо как-то уберечь от Тони других вдов. У Долли закружилась голова.

– Как Фишер попал в мой дом? – спросила она.

Боксер заулыбался, вытащил из кармана пиджака старую пластиковую карточку и поднял ее повыше, чтобы Долли могла разглядеть.

– Ты что, не знаешь, что за мной и моим домом следят? – подняв глаза на Боксера, спросила вдова.

– Но... ты же меня не выдашь, Куколка? – заблеял тот, явно нервничая.

Выходит, про полицию он не знал и теперь распереживался, что его арестуют за вторжение в чужой дом.

– Перестань меня так называть! По-моему, у тебя и без меня неприятностей хватает: зря ты переметнулся к Фишерам, Боксер, это может быть опасно. Они, в отличие от моего Гарри, не слишком умны. Сам посуди: если копы обыскали мой дом сверху донизу и не нашли эти тетради, то с чего Тони Фишер взял, будто он их отыщет?

Боксер покачивался на пятках и безмолвно смотрел на Долли в ожидании подсказки. Его бедного мозга не хватало на то, чтобы одновременно соображать и говорить.

– А сейчас оставь меня в покое, Боксер. Приходи лучше завтра с утра, поможешь прибраться, и мы вместе с тобой посмотрим, нет ли где тайников, не замеченных копами и Тони.

Боксер просиял, словно ребенок, которому дали самое большое мороженое в мире.

– Приду! – Он радостно вскочил на ноги. – Пораньше, часам к девяти, да?

– К семи.

– В семь еще лучше. Да, буду у тебя в семь. Сегодня мне еще нужно отчитаться перед Фишерами, и я им скажу, что ты готова помогать. А завтра мы как следует поищем, и все будет хорошо.

Долли поверить не могла, что можно быть настолько тупым. Повеселевший Боксер чуть не вприпрыжку побежал к выходу. Долли закрыла за ним дверь и дважды проверила входы в дом. Затем она попыталась хоть немного прибраться на кухне. Все содержимое морозилки лежало на полу перед холодильником; повсюду валялись осколки фарфорового сервиза и столовые приборы. У Долли не было сил наводить порядок, поэтому она сделала себе кофе и снова села на изувеченный диван в разгромленной гостиной.

Женщина понимала, что должна рассуждать здраво, как это всегда делал Гарри, однако ей было не сосредоточиться. Мысли путались, потому что взгляд то и дело натывался на разбитые статуэтки фабрики «Каподимонте», которые когда-то подарил ей Гарри. Долли посмотрела на Вулфа.

– Что бы сделал Гарри на нашем месте, а, миленький мой? Что бы сделал папочка?

Она подумала о полицейском автомобиле перед домом. Ей захотелось позвонить Резнику и рассказать о том, что его безмозглые подчиненные катались вслед за ней в «Дорчестер», вместо того чтобы помешать Тони Фишеру и Боксеру вломиться в ее прекрасный дом и все тут разрушить. Долли подошла к окну и прищурилась, глядя в узкую щель между плотными бархатными портьерами.

– Идиоты! – прошипела она. – Вы смотрите, как с моего переднего крыльца спускается Боксер, и вам не хватает ума задуматься, каким образом он сюда попал!

Долли отвернулась от окна, и опять перед ее глазами предстала разрушенная гостиная. Вдруг среди обломков и обрывков она заметила фотографию мужа – ту, что уронил Боксер при ее появлении. Сначала Долли стало грустно при виде красивого улыбающегося лица Гарри под треснувшим стеклом, но потом ей показалось, что он пытается ей что-то сказать.

– Что ты говоришь, Гарри? Как мне поступить? – тихо произнесла она, опускаясь на пол и беря в руки портрет. Долли посмотрела в глаза мужу и не смогла сдержаться: – Я любила тебя. О, как же сильно я тебя любила! Боже мой, Гарри, я все еще тебя люблю! Ты бы никогда не позволил этим ублюдкам Фишерам причинить мне такую боль.

Потом, словно Гарри вновь оказался рядом с ней, Долли внезапно успокоилась. Он поможет ей пережить эти несколько месяцев, поможет совершить налет. Долли была уверена в этом. В конце концов, ведь она делает это ради Гарри. Долли искренне поверила в то, что муж будет оберегать ее и не допустит, чтобы с ней случилось что-то плохое.

Этой ночью Долли крепко спала – впервые после того, как узнала о гибели Гарри.

Глава 9

Долли была на ногах с шести утра – наводила порядок. Поначалу трудно было понять, за что хвататься. Обычно по утрам она обходила дом с пылесосом, но сегодня даже ковра не было видно под разбросанными вещами.

К тому моменту, когда на подъездной дорожке показался Боксер, Долли в самой старой своей одежде, фартуке и с платком на голове выбрасывала в мусор очередной мешок разбитых воспоминаний. Очевидно, для Боксера семь часов было слишком рано. Он шаркал ногами и покачивался, как зомби, однако мысль о поисках записей Гарри пробудила в нем определенный энтузиазм.

Вторым зомби на улице был крайне утомленный молодой полицейский в машине, припаркованной в квартале от дома Роулинсов.

– Вы совсем не следите за тем, что происходит, да? – воскликнула Долли, а потом повернулась к своему верному песику: – Вот глупый коп.

В гостиной Боксер оценивал ситуацию.

– С чего начать? – спросил он.

Уборку, и особенно уборку после погрома нельзя было назвать его любимым занятием.

– Так, – выдохнула Долли. – Выброси все, что нельзя починить, но диванные подушки и гардины сложи в отдельный пакет, с ними еще можно что-то сделать. Когда освободится ковер, пропылесось его. Пылесос под лестницей в шкафу.

– Все понял, Долли, – просиял Боксер. Короткие точные указания он воспринимал отлично. – Мы быстро приведем тут все в порядок.

Глядя, как Боксер подбирает последние из разбитых статуэток итальянского фарфора, Долли поняла, что ущерба не так много, как ей показалось на первый взгляд. Диван, скорее всего, можно отремонтировать, а уж грязные следы на ковре она сумеет оттереть. Больше всего Долли ранило беспардонное вторжение в ее дом. И полиция, и Фишеры, видимо, пребывали в уверенности, что ее можно ни во что не ставить – и ничего им за это не будет.

На втором этаже с кровати было снято все белье, и стиральная машина загружена уже в третий раз. Когда Долли собирала одежду, вываленную из шкафа на пол, в дверях появился Боксер.

– Ну как, нашла что-нибудь? – спросил он с обычной своей широкой ухмылкой.

Верзила вел себя так, словно был ее лучшим другом, словно ничего не произошло, словно не он виноват в том, что ее дом перевернули вверх дном.

– Давай я сначала разгребу эти завалы, хорошо? А то леса за деревьями не видно.

– О, прости, Долли.

– Как только мы все разложим по местам и приберемся, то обыщем все уголки, Боксер, не волнуйся. – Она ободряюще улыбнулась, и мужлан потопал вниз.

Улыбка исчезла с лица вдовы, как только он скрылся из виду. Долли понимала, что в наведении порядка и чистоты от Боксера мало пользы, но теперь ей нужно было сохранить с ним хорошие отношения. У нее появился план, и этому тупице в нем отводилась важная роль.

Линда явилась на склад-стоянку подержанных автомобилей задолго до начала аукциона. С брошюрой в руках она бродила по рядам выставленных на продажу машин, осматривала их одну за другой, пытаясь понять, что бы хотела купить. В машинах она немного разбиралась – знала, как выглядит и как звучит хороший двигатель, что нужно проверять при покупке, как завести машину без ключа. Джо многому ее научил – и тому, что происходит под капотом, и тому, что делается на заднем сиденье...

В конце концов Линда решила, что ей нравится красный «форд-капри», и принялась флиртовать с продавцом. Тот легко поддался ее чарам, с готовностью отвечал на вопросы о «капри» и быстро уверился в том, что эта горячая штучка не прочь позабавиться с ним, раз так громко хохочет над его плоскими шутками и позволяет щупать себя за зад. Продавец согласился проверить двигатель «форда». Линда на мгновение прижалась к мужчине всем телом и томно улыбнулась. Она была так занята получением скидки, что не заметила, как к стоянке подъехал серебристый «ягуар» Арни Фишера.

Арни с кожаным портфелем в руке направился через лабиринт автомобилей к офису, где проводились аукционы, но по пути заметил Карлоса и остановился. Молодой человек стоял, прислонившись к капоту «роллс-ройса», который намеревался купить. Арни поправил галстук.

– Так бы и съел его... – прошептал он себе под нос и подмигнул любовнику.

Карлосу нравилось, когда Арни открыто проявлял свои чувства. Это делало его, Карлоса, особенным, а человек вроде Арни мало за кем признавал право на особенность.

На Карлосе был весьма приличный костюм. «Мальчик быстро учится», – отметил про себя Арни, оценивая его, глядя на любовника холодными голубыми глазами. Грубая фактура его не привлекала. Он любил опрятных, стильных мальчиков, хотя в Карлосе и было что-то первобытно-животное. Фишер решил, что, пожалуй, парень слишком увлекается золотыми цепочками. Надо будет поговорить с ним на эту тему, но попозже, когда они останутся наедине.

Карлос стал нахваливать выбранный им «роллс-ройс»: и пробег небольшой, и состояние отличное. Достаточно кое-что подкрасить да настроить получше двигатель – и будет конфетка. Молодой человек поднял крышку капота и склонился над моторным отсеком. Арни ничегошеньки не понимал в двигателях, но полез под капот вслед за Карлосом, чтобы под благовидным предлогом прижаться к любовнику всем телом хоть на минуту. Фишер заметил, что Карлос даже постарался вычистить грязь из-под ногтей; да, этот мальчик далеко пойдет. Арни чувствовал, что все сильнее привязывается к своему бойфренду.

Потрепав молодого человека по щеке, Арни вручил ему портфель:

– Здесь достаточно бабок, чтобы купить этот «роллс-ройс».

– До какой цифры можно поднимать цену?

– Уже все схвачено, Карлос, дорогуша. Выше стартовой цены торг не пойдет. Им известно, что эту машину хочу купить я. Других покупателей не будет.

Арни оказался прав: аукцион на «роллс-ройс» был объявлен и завершен молниеносно. Карлос назвал цену, выиграл за отсутствием конкурентов, расплатился наличными, и менее чем через полчаса парочка уже ехала обедать в шикарный ресторан.

Линда при содействии влюбчивого продавца купила свой «капри» с хорошей скидкой. Пока она отсчитывала банкноты, продавец с похотливой ухмылочкой придвинулся к ней поближе, попытался сунуть ей под плащ руку... и наткнулся на ледяной взор.

– Отвали, или я закричу, – прошипела Линда.

Продавец, конечно, сразу все понял. Когда молодая женщина покидала аукцион, зажав в руке ключи от своей новой машины, то расслышала злобный шепот:

– Чертова шалава!

Грег, брат Ширли, уверял сестру в том, что все было законно и тачку он не угнал, а купил. Однако девушка продолжала сомневаться, несмотря на то что названная братом цена ее устраивала, да и сама машина нравилась. Одри, допивающая пятую чашку чая, заявила, что Грег машину наверняка украл, потому что, судя по объявлениям в газете, такая стоит в два раза больше. Жаркие препирательства Одри и Грега тут же прекратились, когда Ширли бросила на кухонный стол пачку денег. Одри застыла с чашкой в руке, не донеся ее до рта. Грег дернулся, чтобы схватить всю пачку, но Ширли его опередила и отсчитала семьсот пятьдесят фунтов за машину. Тогда Грег отдал сестре ключи с сервисной книжкой и, прежде чем его снова начнут донимать расспросами, исчез.

Ширли знала, о чем сейчас думает мать, а потому, упреждая неловкие вопросы, тут же солгала:

– Деньги были в чемодане Терри. Или ты думаешь, что я смогла бы наторговать собой на тысячу всего за неделю?

– Тысячу? – взвизгнула Одри. – В чемодане? А копы ее не нашли?

Врать Ширли не умела, но решила стоять на своем до конца:

– Да! Деньги были спрятаны за подкладкой чемодана, копы были слишком увлечены флиртом со мной, чтобы тщательно все проверить.

– И когда же ты нашла эту тысячу? И почему мне не сказала?

– При чем здесь ты, мам? – нахмурилась Ширли.

– Вообще-то, мы все еле сводим концы с концами! Та стиральная машина, что ты мне отдала, не пошла ко мне пешком, знаешь ли. Пришлось нанимать грузовик.

А это не такое уж дешевое удовольствие! Я просто хочу знать, откуда у тебя эти деньги. Я же твоя мать, в конце концов.

Ширли вытащила из пачки купюру в пятьдесят фунтов и протянула Одри:

– Прости, что моя стиральная машина досталась тебе не совсем бесплатно. Мне очень жаль, мам.

Возможно, другой, более гордый человек на месте Одри ушел бы немедленно, хлопнув дверью, чтобы дочери впредь было не повадно пытаться подкупить мать. Но Одри не ушла, а вместо этого быстро взяла деньги из рук Ширли и тут же спрятала.

– Давай-ка обкатаем твою новую машину – доедем до паба, – предложила она. – Ширли, ты угощаешь.

Малолитражка «мини» не завелась ни с первого раза, ни со второго, но на третий наконец ожила и загудела, потом фыркнула и рывками поехала по дороге. Ширли сказала, что тормоза какие-то тугие, и потом выругалась, потому что отвалился один из дворников лобового стекла.

– Если Грег все это не починит, я ему покажу, – грозно пообещала разъяренная Ширли.

– Может, дело в том, как ты водишь, дорогая, – заметила Одри.

– Терри научил меня водить, и экзамен на права я сдала с первого раза, – горячо возразила Ширли.

Объехав квартал, Ширли решила, что машина не так уж и плоха на самом-то деле. Девушка высадила мать перед пабом и сказала, что хочет устроить своей «мини» проверку посерьезнее. Купить именно эту марку и модель Ширли согласилась из-за большого багажника, куда можно будет сложить все снаряжение, нужное для налета. И цвет у нее был подходящий – ничем не примечательный, в автомобильном потоке она не привлечет внимания. Будь Ширли свободна в выборе, то купила бы машину ярко-желтого цвета, но ничего,

еще успеется, с третью миллиона можно будет позволить себе и не такое. Ширли засмеялась над собой: кто бы мог подумать, что она станет приобретать автомобиль, исходя из его удобства для ограбления!

Чем дальше ехала Ширли, тем спокойнее становилась и вскоре вернулась в обычное свое состояние: стала подумывать о том, что неплохо бы зайти в парикмахерскую и сделать прическу и не следует ли заодно освежить мелирование, а может, и чуть высветлить волосы; да и хороший массаж, пожалуй, был бы кстати...

Линда поставила ногу на педаль газа и проследила за стрелкой спидометра – та быстро прыгнула на семьдесят... семьдесят пять... восемьдесят. Ах, какое упоение! Быстрый взгляд в зеркало заднего обзора – никого нет, и нога давит сильнее: восемьдесят пять... девяносто. Удачная покупка, похвалила себя Линда, как вдруг из-под капота вылетел клочок дыма, потом еще один, и вот уже дым повалил валом, так что Линда едва различала дорогу, а потому вырулила на обочину, вышла, пнула переднее колесо и выругалась.

Потом, сидя на капоте еще дымящейся машины, Линда неожиданно для себя развеселилась.

– Какого черта я психую? – спросила она вслух.

Одним из заданий в списке Долли было изучение основ авторемонта. Ну так можно приступать – прямо с починки только что купленной рухляди.

Мимо проносились автомобили; водители-мужчины сигналили, но не останавливались. Линда и не хотела помощи. Ее охватило ощущение собственной силы. В кармане у нее деньги, рядом собственная, хотя и подержанная, машина. Она узнает, как ее починить. Линда позвонит Джино и попросит познакомить с его приятелем-автомехаником. Она будет учиться на практике, а не по книгам и во всем быстро разберется. И уж конечно, не ради этой безумной затеи с ограблением, а ради себя. Линда не могла припомнить, когда в последний раз чего-то добивалась сама. Теперь все будет иначе.

Глава 10

Боксер сидел за только что отмытым обеденным столом и уплетал яичницу с беконом с такой жадностью, словно неделю ничего не ел. Наконец он вытер куском хлеба тарелку, съел его и, громко прихлебывая, допил чай, после чего удовлетворенно откинулся на спинку стула.

В этот момент в кухню вошла Долли, неся в руках пару старых пиджаков Гарри.

– Встань! – приказала она.

Боксер подскочил, ожидая, что его снова отправят работать. Увидев же, что Долли держит перед ним один из пиджаков для примерки, от избытка чувств на некоторое время онемел и, похоже, чуть не пустил слезу.

Долли помогла Боксеру надеть пиджак и по привычке одернула полы, смахнула пылинки с плеч, как тысячу раз делала для Гарри. Боксер был примерно одного сложения с ее покойным мужем, только шире в талии, поэтому на нем пиджак сходил с трудом. Сам громила тем не менее счел, что выглядит на миллион долларов.

– Ого, чистая шерсть! Очень хорошая вещь, – сказал он Долли, поглаживая ладонями ткань.

С непроницаемым выражением на лице она смотрела на Боксера в дорогой одежде ее покойного мужа.

– Если хочешь, могу отдать еще несколько рубашек и две пары брюк, – произнесла она безразличным тоном.

Боксер помолчал.

– Я буду хранить их как сокровище, – наконец неуклюже произнес он.

– Прости, что не предлагаю ничего получше.

Расставание с любимыми вещами Гарри было для Долли невыносимо. Они так и висели в гардеробе, выстиранные и выглаженные. Долли даже начистила ботинки Гарри, и они тоже стояли в шкафу, словно он просто уехал по делам и скоро вернется.

Понимая, что чувства грозят выплеснуться наружу, Долли вскипятила воду и заварила еще чая – обыденные дела помогают вернуть самообладание, а оно необходимо ей для исполнения задуманного. Пока Боксер обедал, Долли прибиралась в детской. Тони Фишер разбросал вещи их мертворожденного ребенка по всей комнате и потом истоптал грязными ботинками. Колыбель была перевернута, крошечные подгузники для малыша разорваны, фотографии разбиты. В большинстве произведенных разрушений не было никакого смысла – это был акт чистой злобы. При мысли о том, что Фишеры подберут под себя бизнес Гарри, у Долли вскипала кровь. За время, проведенное в детской, у вдовы созрело два решения.

Во-первых, она соберет все вещи в этой маленькой голубой комнате и сегодня же отдаст монастырской школе для раздачи малоимущим и сиротам. Пусть от них будет хоть какая-то польза. После смерти сына Долли находила в религии огромное утешение. Двери монастыря всегда были открыты для нее. Долли могла приходить и уходить в любое время, днем и ночью. Бывали периоды, когда она посещала его ежедневно. Постепенно боль теряла остроту, и визиты становились все реже, но к тому моменту Долли уже полюбила простоту монастырского бытия по сравнению с сумбурной жизнью с Гарри. Она часами напролет рисовала и играла с детьми из школы при монастыре; они хотели от нее только одного – любви, а у Долли было ее в избытке. Дети отвечали ей такой же любовью. В те первые месяцы после смерти малыша Долли погрузилась бы в глубочайшую депрессию, если бы не ее друзья в монастыре; она многим обязана им, взамен же они никогда ничего от нее не просили. Ну так почему бы не собрать всю детскую и не отдать им? Как раз сегодня – время еженедельного визита Долли в монастырь. Пусть вещи помогают живым, а не хранят память о мертвых. Кроме того, пришла пора расстаться с прошлым и двигаться вперед без лишнего груза. Долли оставила себе только одну игрушку из детской сына – маленького белого пуделя.

Во-вторых, Долли решила раз и навсегда избавиться от назойливого внимания Фишеров...

Боксер сидел за обеденным столом и в ожидании добавки любовался новым пиджаком. Долли принесла чайник и наполнила две чашки. Глядя, как верзила насыпает себе три ложки сахара, она приготовилась сказать ему то, что репетировала всю ночь.

– Я должна кое в чем признаться. Видишь ли, Боксер, я солгала насчет тетрадей Гарри. Конечно, я знаю, где они. – (Боксер потерял дар речи.) – Дело вот в чем, – продолжала Долли, изображая озабоченность судьбой этого здоровенного тупицы, – понимаешь... Гарри рассказывал мне, что в его записях, кроме других имен, есть и твое. И если до тетрадей доберется полиция, у тебя могут быть большие неприятности, вплоть до тюрьмы.

Несмотря на шерстяной пиджак, Боксер покрылся мурашками. Говорить он все еще не мог и только по-рыбьему открывал рот, слушая Долли.

– Я много думала и поняла, что в том ограблении должно было быть четверо участников – один спереди, трое сзади. Иначе никак не выходит. Я это знаю; копы это знают. – Долли не сомневалась, что никаких доказательств этому утверждению Боксер не попросит. – Трое мертвы, но четвертый человек выжил. Думаю, тетради у него. Во всяком случае, он должен знать, где их искать. – Вдова сделала паузу и неторопливо глотнула чая.

Слабому мозгу Боксера требовалось время, чтобы выработать правильный вопрос, а Долли не хотела говорить ему все сразу. Это могло показаться подозрительным даже не очень умному человеку.

– И как ты считаешь, Долли, кем был этот четвертый?

Долли сделала вид, будто колеблется, размышляя над ответом.

– Только пообещай, что никому не скажешь, Боксер. Все, что я расскажу, должно остаться между нами. Слышишь? Это может быть опасно для тебя – знать то же, что и я.

– Клянусь! Можешь мне доверять.

– Четвертый преступник, которому удалось скрыться с места неудавшегося налета... мой Гарри.

Вновь Долли умолкла, давая Боксеру возможность осознать сказанное. Крайне важно было, чтобы тупица поверил ей.

– Он не погиб, Боксер. Я похоронила другого члена банды, искренне считая, что хороню Гарри, но теперь знаю, что это был не он.

– Откуда? Как ты узнала? – спросил потрясенный Боксер.

– Потому что видела его живым. Сейчас Гарри прячется от всех, но хочет опять взять тебя на работу – так же, как раньше.

Боксер тут же расправил плечи, словно рядовой, которого только что выбрали для выполнения секретного задания. Страх на его лице сменился широченной улыбкой. «Такой легковверный, – подумала Долли. – Это даже жестоко с моей стороны».

– И вот что Гарри просил тебя сделать. Приглядывай за Фишерами для него, хорошо? Но при этом береги себя, Боксер. Гарри не хочет, чтобы ты хоть чем-то рисковал из-за него. Ты будешь его глазами и ушами, пока Гарри не будет готов вернуться и снова взять все в свои руки. Ты будешь отчитываться мне, а я буду отчитываться Гарри. Никто не должен знать, что он жив, Боксер... обещаешь?

Громила шлепнул себя по бедру и радостно заревел:

– Обещаю, Долли! Старина Гарри, до чего умный, все-таки скрылся. Как же круто он всех провел! Кто бы мог подумать!

Долли взяла его за руку, Боксер смолк и вновь весь обратился в слух.

– Излей свои чувства здесь, Боксер, потому что за порогом этого дома тебе придется держать язык за зубами. Мне нужно, чтобы ты был на моей стороне. Чтобы ты был на стороне Гарри.

В ответ Боксер так сжал ее ладонь, что Долли чуть не вскрикнула от боли. Верзила посмотрел женщине прямо в глаза и произнес абсолютно искренне:

– Я всегда был на вашей с Гарри стороне, ты и сама это знаешь. Клянусь жизнью, Долли, я ни слова никому не скажу!

– Внутренний карман пиджака, – шепнула вдова.

Боксер сунул руку под борт только что полученного пиджака и вытащил оттуда конверт.

– Две сотни от Гарри. Для начала.

Боксер не стал вскрывать конверт: раз Долли сказала, что там две сотни, значит так и есть.

– Я снова на зарплате у Гарри, – радостно прошептал громила.

Долли проводила Боксера взглядом. Тот горделиво шагал по улице, то и дело одергивая на себе обновку. Боксер приветственно кивнул детективам, все еще сидящим в машине неподалеку.

Она же вернулась в свою гораздо более чистую и опрятную гостиную и устало опустилась на вспоротый диван, где к ней моментально присоединился Вулф.

– Привет, миленький, – сказала Долли и погладила песику животик, с готовностью подставленный под ладонь.

Закинув голову на широкую спинку дивана, Долли принялась размышлять.

По ее прикидкам, не пройдет и двух дней, как Боксер проболтается кому-нибудь о том, что Гарри якобы жив. Его разговорчивости наверняка поспособствуют деньги в нагрудном кармане подаренного пиджака. Тупица не устоит перед соблазном отправиться в паб. А как только поползут слухи, до Фишеров они дойдут достаточно быстро, и, по расчетам Долли, братья станут вести себя сверхосторожно. Опасаясь возмездия, они будут держаться как можно дальше

от нее и других вдов.

– Еще так много всего надо сделать, мой золотой, – сказала хозяйка песику, погладила его по белой шерстке, поднялась и пошла к письменному столу.

Положив перед собой ежедневник, Долли стала вносить туда зашифрованные пометки. Нужно еще раз сходить в банк и свериться с записями Гарри. Предстояло найти четвертого человека для возглавляемого ею ограбления, и она надеялась, что в тетрадях покойного мужа найдет имя того, кому могла бы полностью доверять. Скорее всего, этот человек будет мужчиной, и Долли предвидела сложности: придется убеждать его не только присоединиться к ним, но и подчиниться ее приказам. Вторым пунктом в ее списке стояли поиски того, кто на самом деле остался жив после неудавшегося налета Гарри и сумел скрыться. Если первыми до него доберутся Фишеры, то ее дерзкая ложь сразу вскроется. Долли молилась, чтобы этот неизвестный ей человек уехал в другую страну и не планировал возвращаться. И наконец, надо как-то сообщить Ширли и Линде о том, что «знает» Боксер. Обе вдовы должны быть в курсе всех планов и действий Долли – только так они смогут быть начеку и в безопасности.

Долли отыскала взглядом Вулфа – тот залез в разорванную обивку дивана и уютно устроился в кусках наполнителя. Чтобы опять превратить этот дом в уютное жилье, требовалось сделать еще очень много... Ладно, это не самое срочное дело. Главное сейчас – не пропустить еженедельный визит в монастырь, а то детективы могут что-то заподозрить. Долли научилась уходить от хвоста, однако нельзя злоупотреблять этим новым навыком. Время от времени все-таки нужно позволять полицейским без помех следить за ее перемещениями, чтобы убедить этих идиотов в том, будто жизнь вдовы Роулинс течет в привычном русле. Дел скопилось немало, и все же Долли чувствовала, что напряженная работа мысли придает ей сил. Постепенно она возвращалась к жизни. С улыбкой Долли повернулась и остановила взгляд на их с Гарри фотографиях, которые Боксер подобрал и расставил на каминной полке в строгом хронологическом порядке. На миг ей показалось, что Гарри снова с ней, и она зажмурилась, чтобы увидеть его как можно отчетливее. Тело пронзила боль от невозможности обнять его.

Ее мысли вернулись к вечеру за два дня до налета. Стоило Гарри войти в спальню, как Долли тут же, каким-то седьмым чувством поняла, что муж то ли прогадал в бизнесе, то ли – что еще хуже – намерен сильно рискнуть. Гарри рыскал по дому, открывал и закрывал двери, садился и опять вставал, раз пять

заваривал себе кофе и постоянно поглядывал на часы. В такие моменты Долли мудро держалась в стороне и не задавала вопросов. Супруг сам расскажет, что его беспокоит, когда будет готов.

У них уже несколько месяцев не было секса, но в ту последнюю ночь Гарри скользнул к ней в постель и был страстно настойчив и груб. Долли не возражала; она обожала его руки, его запах, его мощь.

После секса она держала его в объятиях, словно мать своего ребенка. Потом Гарри встал и ушел в другую комнату, а Долли еще долго лежала, с улыбкой глядя в темноту. Даже спустя двадцать лет муж умел заставить ее тело сладостно дрожать. Крепкой мускулистой фигурой мужа Долли гордилась не меньше самого Гарри. В нем не было ни грамма жира. Когда ее любимый мужчина принимал душ или брился, Долли украдкой любовалась тем, как сокращаются и расслабляются его мышцы. Они очень любили друг друга, и теперь, вспоминая, как Гарри смотрел на свои обожаемые часы «Ролекс», Долли задыхалась от боли. На следующее утро Гарри пришел к жене с чашкой чая, разбудил нежным поцелуем и сказал:

– До свидания, любовь моя. Я скоро вернусь.

Однако домой он больше не вернулся. А копы все еще не отдали Долли его любимые наручные часы.

Линда стояла у распахнутых ворот авторемонтной мастерской. В своей жизни она видела достаточно итальянцев, чтобы понять: молодой паренек в грязной, насквозь промасленной спецовке не тот, кого она ищет. А нужен ей был один из приятелей Джино по имени Карлос. Мальчишка выпятил вперед грудь и всеми силами постарался произвести впечатление на сексапильную клиентку. Линда бросила на молокососа пренебрежительный взгляд, и паренек быстро смирился с поражением.

– Карлос! К тебе тут одна цыпочка пожаловала! – прокричал он и продолжил полировать красавца-«ягуара».

Карлос сидел в маленьком офисе и разговаривал по телефону с Арни. Через окно в стене он глянул на новую клиентку, но ее лицо было Карлосу незнакомо.

Прикрыв трубку ладонью, он крикнул, что выйдет через минуту.

Краем глаза Линда стала наблюдать за Карлосом, и ей весьма понравилось то, как он проводит рукой по густой курчавой шевелюре. Его старый коричневый комбинезон был расстегнут почти до пояса, и когда молодой человек, все еще говоря по телефону, обернулся к окну, Линда рассмотрела его во всей красе, не упустив ни единой детали. Он был красавцем с большими карими глазами, великолепным телом и трех-четырёхдневной щетиной. Было в нем что-то неотразимо brutальное и очень сексуальное. Еще не обменявшись с ним ни словом, Линда твердо решила сделать красавчика своим.

Когда Карлос наконец вышел, молодая женщина представилась как Линда Пирелли и, безбожно флиртуя, спросила, не взглянет ли он на ее «капри».

– Прости, красотка, – небрежно бросил Карлос. – Мы обслуживаем только юриц и постоянных клиентов. – Отодвинув Линду в сторону, он опустился на подкатной лежак и, откинувшись на спину, закатил себя под висящий на подъемнике «ягуар» для завершающего осмотра.

Линда приблизилась и села на корточки так, чтобы юбка задралась повыше. Она знала, что Карлосу будут видны ее ноги, и медленно раздвинула колени.

– Послушай, Карлос, – сказала она, – на самом деле я хочу побольше узнать о двигателях и научиться чинить свою машину. Я заплачу за индивидуальное обслуживание...

Выезжая на лежаке из-под автомобиля, Карлос не мог не заметить красные трусики Линды. Потом, все еще лежа на спине, молодой человек перевел взгляд выше. Эта девица была вульгарна и настырна, но тем не менее она ему приглянулась, да настолько, что Карлос, неожиданно для самого себя, велел Линде садиться в «ягуар», которому предстоял тестовый прогон. Молодой механик опустил подъемник, и Линда, улыбнувшись, юркнула на пассажирское сиденье. Карлос не устоял и улыбнулся в ответ. Вот ведь маленькая нахалка!

Линда пристегнула ремень безопасности – в отличие от Карлоса, который стремительно выруливал на трассу М4. Молодая вдова догадывалась, что красавчик берет ее на испуг, однако для этого потребовалась бы скорость повыше ста двадцати миль в час, к тому же Карлос явно был отменным

водителем.

Переключая скорости, молодой человек то и дело касался ее бедра, и Линда придвинула ногу еще ближе. По сравнению с Джо, в котором было шесть футов три дюйма, Карлос был невысок – где-то пять и девять, прикинула Линда. Зато он был настоящим красавцем и при этом казался очень милым. А еще ей нравился аромат его одеколона, и когда на крутом повороте молодой человек прильнул к ней, Линда поглубже вдохнула этот запах... Да, она непременно затащит его к себе в постель!

После возвращения в мастерскую Карлос, продолжая удивлять сам себя, вывел «капри» на дорогу для диагностики и потом показал Линде, как поддерживать автомобиль в рабочем состоянии. По его словам, машина хорошая, требуется лишь небольшой ремонт. В радиаторе была пробоина, которую Карлос тут же залатал, а также почистил свечи зажигания, контакты прерывателя, воздушный фильтр и бегунок трамблера, попутно объясняя, что есть что, и позволив Линде выполнить часть работы самой.

Вдова не отходила от механика ни на шаг, то и дело заглядывала ему через плечо, не боясь запачкаться в машинном масле. Карлоса веселило стремление этой цыпочки узнать как можно больше за тот час, который он согласился ей уделить. Линда даже настояла на том, чтобы вместе с ним забраться на подкатном лежаке под машину. Карлос искренне недоумевал: он видел, что Линда изо всех сил заигрывает с ним, и в то же время ее горячий интерес к двигателю «капри» казался неподдельным.

Четыре часа спустя они все еще оставались в мастерской, а двигатель «капри», как выразился Карлос, мурлыкал, как кошечка. Механик смазал руки обезжиривателем и, вытирая их тряпкой, разглядывал ноги Линды, до сих пор торчащие из-под машины. Юбка сбилась кверху, вновь открыв взору молодого человека красные трусики. Когда вдова выехала на лежаке из-под своей «капри», Карлос оказался прямо над ней, расставив ноги по обе стороны лежака. Взгляд Линды скользнул по внушительной выпуклости между ног и остановился на темно-карих глазах механика.

– Сколько я тебе должна?

– Ты имеешь в виду деньги или что-то еще?

Оба засмеялись, и Карлос помог молодой женщине подняться.

На этот раз за руль села Линда, а Карлосу досталось пассажирское сиденье. Пока «капри» разгонялся на эстакаде по направлению к Уайт-Сити, молодой человек не сводил глаз с датчика температуры; потом, когда Линда переключилась на верхнюю передачу, он кивком дал ей разрешение нажать на педаль газа. Машина с ревом понеслась вперед, быстро набирая скорость – девяносто пять, сто, сто десять... Линда бросила вопросительный взгляд на Карлоса: все ли в порядке? Но его теперь интересовали ее ноги, а не спидометр.

В квартире у Линды было не прибрано, о чем она теперь пожалела. Пока Карлос мылся в ванной, Линда побежала в спальню, собрала грязную одежду и расправила на кровати одеяло. Задернув занавески на окне, она перешла в маленькую гостиную и налила две большие порции бренди. Один бокал Линда отнесла в ванную, где Карлос, сняв рубашку, брился оставшимся после Джо станком. У него было великолепное, прекрасно сложенное тело, и Линда постаралась прикоснуться к нему, когда ставила бокал на край раковины. Карлос никак не отреагировал на это и вообще ничего не сказал. Разобиженная Линда молча ушла.

В гостиной она залпом осушила бокал и налила себе еще. Что делать дальше, Линда не представляла: полдня она всячески давала Карлосу понять, что не прочь с ним переспать, а молодой человек пока не выказывал желания сорвать с нее одежду. Послышались шаги, и, обернувшись, Линда увидела Карлоса. Тот, в одних трусах и с бокалом в руке, прислонился к дверному косяку. Он был еще красивее, чем вдове показалось на первый взгляд. Пока Карлос пил бренди, Линда услышала, что в ванне набирается вода. Черт побери, да он совсем как дома тут расположился! Не говоря ни слова, Карлос подлил себе бренди и отправился обратно в ванную.

Линда заставила механика подождать несколько минут и только потом пошла следом. Карлос стоял перед шкафчиком и изучал упаковки с солью для ванн.

– Какую ты любишь? Эту или вон ту?

Линда пожала плечами. Карлос выбрал соль на свой вкус, насыпал в воду и потом придвинулся к Линде.

– Так ты хочешь переспать со мной или нет? – капризно протянула она.

Карлос, ничего не отвечая, начал расстегивать на ней блузку.

«Наконец-то», – пронеслось у Линды в голове, и она притянула Карлоса к себе, одновременно пытаясь скинуть юбку. Боже, она вся дрожала от нетерпения! Она стала пятиться из ванной, потянув за собой Карлоса, но он не пошел. Все так же молча молодой человек вдруг подхватил ее на руки и бросил в ванну, прямо в одежде. Потом со смехом снял трусы, и, когда шагнул к ней в воду, Линда увидела тонкую белую полоску на его бедрах – должно быть, след от узких плавок. Карлос был неотразим.

Детектив-инспектор Джордж Резник в сопровождении Эндрюса и Фуллера направлялся в пекарню «Саншайн». Полицейские проверяли улику, которая могла привести их к хлебному грузовику, задействованному в налете Роулинса. Резник был серьезен и сосредоточен. Наконец-то в их расследовании произошел прорыв. Инспектор больше не чувствовал нужды в напускной бравате, и впервые под оболочкой одержимого неудачника Фуллер увидел проблески настоящего копа. Но все равно продолжал ненавидеть этого несносного толстяка.

Фуллер вел патрульную машину, как старая дева. И в конце концов Резник не выдержал:

– Да нажми на чертов газ, Фуллер, ради всего святого! Включи уже сирену с мигалкой! Мы охотимся за крупнейшей преступной группировкой в Лондоне, а не на пикник едем!

Возле пекарни стоял подозреваемый грузовик под охраной констебля. Уолли Титерингтон из отдела криминалистики уже работал внутри машины, а один из его коллег снимал отпечатки пальцев с сидений. При появлении Резника Уолли поднял голову:

– Он что, думает, будто снимается в вестерне?

– Так! – заорал Резник на управляющего пекарней. – Мне нужен кабинет для проведения допросов.

Управляющий от такой грубости оторопел.

– Сколько продлится ваше вторжение? – пожаловался он. – Кого именно вы собираетесь допрашивать?

– Каждого водителя, каждого механика, каждого работника пекарни и каждого, кто приходил сюда, в том числе и вас. Я намерен побеседовать со всеми, кто когда-либо имел дело с этим грузовиком. А констебль Эндрюс – вот он – возьмет у всех отпечатки пальцев для исключения непричастных лиц.

Видя, как багровеет лицо управляющего, вперед вышел Фуллер:

– Это очень важное расследование, сэр, и мы признательны за вашу помощь. Чем раньше мы сможем начать, тем быстрее избавим вас от нашего присутствия.

По-хозяйски уперев руки в бока и посасывая зажатую в зубах сигарету, Резник оглядывал женскую раздевалку, заменившую кабинет для допросов, о котором он просил.

– Если повезет, то мы все еще будем здесь, когда они придут переодеваться после смены. Что скажешь, Эндрюс? Возможно, ты даже найдешь среди них даму своего сердца.

Эндрюс держался тише воды ниже травы. Он успел вымазать рукава рубашки чернилами для снятия отпечатков пальцев.

– Ты только посмотри на себя! – не замедлил взъяриться Резник. – Как ты умудряешься одеваться по утрам? Ты вообще знаешь, как снимать отпечатки?

– Да, сэр, – промямлил Эндрюс.

– Сильно сомневаюсь! Потому что ты даже не можешь уследить за старой теткой с пуделем, не то что за собой! – Резник подошел к констеблю вплотную, и того чуть не затошнило от неприятного запаха. – Дежурным поступил звонок от пенсионерки, которая пожаловалась, что два молодых оболтуса забросали ее палисадник бургерами и молочными коктейлями. – (Эндрюс виновато

ссутулился.) – Еще один такой инцидент, и ты отправишься в пеший патруль, понял меня?

– Понял, сэр, – ответил Эндрюс, стараясь не дышать.

Едва Резник вышел, Фуллер ободряюще кивнул коллеге. Оба понимали, что инспектор просто срывает злость на том, кто не может ему ответить. Резника страшно взбесил тот факт, что в качестве помещения для допросов ему досталась женская раздевалка.

Долли попросила таксиста подождать, а сама отправилась в квартиру Линды на цокольном этаже. Долли держала палец на кнопке звонка до тех пор, пока не увидела, как в дверном окне шевельнулась занавеска и в щель выглянула хозяйка квартиры.

Линду при виде Долли охватила паника. Молодая женщина посмотрела на красивое потное тело Карлоса и почувствовала себя подростком, которого мать застала на месте преступления.

– Ни звука, – шепнула Линда любовнику и замоталась в покрывало.

Долли даже не подождала, когда ей полностью откроют дверь, и шагнула внутрь.

– Почему ты не отвечаешь на телефон?! – возмущенно спросила Долли. – Одевайся! Мне нужно срочно поговорить с тобой и Ширли в гараже.

Из спальни донесся какой-то шорох. Долли застыла, а затем перевела на Линду взгляд, полный негодования. Как может эта девчонка спать с другим мужчиной, когда после гибели мужа прошло так мало времени! Кроме того, Долли ужаснулась мысли о том, что глупая, болтливая, часто пьяная Линда разоткровенничается в постели и выдаст их планы неизвестно кому.

– У тебя там кто-то есть? – спросила Долли сквозь стиснутые зубы.

Линде ничего не оставалось делать, кроме как признаться:

– Долли, это просто механик, учит меня чинить машину, ничего серьезного.

Схватив Линду за руку, Долли рывком дернула к себе и яростно прошипела ей в ухо:

– Он меня видел? Черт побери, говори, потаскуха безмозглая, он меня видел? – Дрожа от ярости, она еще сильнее сжала запястье Линды. – У тебя пять минут. Жду тебя в такси. – После чего Долли ушла, гневно хлопнув дверью.

Натягивая в гостиной юбку, Линда заплакала. Она чувствовала себя паршиво, ей было стыдно.

– Что случилось? – спросил Карлос в попытке ее утешить. – Кто это был? Кто тебя напугал? Чем я могу помочь?

– Никто меня не напугал! – взвизгнула Линда и оттолкнула его. – И тебя не касается, кто ко мне приходил! Проваливай отсюда, у меня срочное дело!

– У тебя есть парень, – сердито заключил Карлос. – Ты переспала со мной, чтобы проучить его, да?

Обида в глазах Линды ответила за нее, и, одеваясь, молодой человек извинился, но слишком поздно и слишком кратко.

Линда со слезами на глазах протянула ему пятьдесят фунтов:

– Спасибо, что помог мне с машиной. Теперь можешь идти.

– Линда, прошу тебя. Я не хотел. Мне не нужны твои деньги. – Карлос вложил купюру обратно в ее пальцы, нежно сжал их и еще раз попросил прощения.

Линда посмотрела Карлосу прямо в глаза и крепко поцеловала.

– Мне и правда нужно спешить. Закрой за собой, когда будешь уходить. – Не успев договорить, она выскочила за дверь.

Пока Карлос заканчивал одеваться, он заметил на прикроватном столике перевернутую вниз лицом фотографию и взял ее в руки. Механик не узнал Джо Пирелли, но сделал вывод, что мужчина этот важен для Линды. «Все-таки парень у нее есть. Или муж» – с этой неприятной мыслью Карлос положил фотографию обратно и уже собирался уходить, когда его взгляд задержался на телефоне в прихожей. Карлос отыскал ручку и записал на руке номер.

Надо будет поподробнее расспросить Джино о Линде.

Долли сидела в углу такси, нахохлившись и отвернувшись к окну. До самого гаража она не сказала ни слова.

Линда пребывала в смятении, и на ее лице, словно у провинившегося подростка, отражались все тревожные и бунтарские мысли. «Какого черта она лезет в мою жизнь? – возмущалась она про себя. – Если я хочу с кем-то переспать, то, черт возьми, пересплю! И Долли это вообще не касается». Но в то же время Линда чувствовала себя виноватой. Она долго разбиралась в своих ощущениях, пока наконец не осознала, что самым сильным из них было счастье. Карлос ей очень понравился, и когда она закинула ногу на ногу, чтобы не касаться Долли, то почувствовала, что все еще влажная после секса с ним. Линда искоса глянула на нахохлившуюся женщину. «А когда ты кончала в последний раз?» – мысленно спросила она. Небось, лет двадцать назад. И что мог найти в Долли такой жеребец, как Гарри Роулинс? Для старика он выглядел не так уж плохо, хотя порой был ужасно вредным. Линда решила, что больше не потерпит от Долли ни выговоров, ни рукоприкладства – хоть из-за Карлоса, хоть из-за чего другого. Теперь она будет за все платить той же монетой... Вот только бы не чувствовать себя такой виноватой...

Едва войдя в их тайное логово, Ширли сразу ощутила напряженность, царившую в воздухе. Линда, вопреки обыкновению, была молчалива, сидела, опустив голову на ладони, с каким-то подавленным видом. В адрес Долли она не сказала ни слова, но и Долли со всей очевидностью игнорировала ее.

Ширли решила разрядить обстановку. На ней был один из комбинезонов, которые велела купить Долли для ограбления, и девушка картинно продефилировала в нем взад-вперед, словно по подиуму.

– На эти костюмы была скидка, – сообщила Ширли с радостной улыбкой. – Кроме того, я купила нам всем парусиновые туфли, в них очень удобно бегать.

– О, я как раз такие искала, – съязвила Линда, а Долли фыркнула.

– И еще, как вы просили, я купила три лыжные маски. – Ширли копалась в пакетах с покупками. – Одну черную, одну синюю и одну красную, чтобы мы знали, где чья. Красная – для Линды, этот цвет подойдет к ее черным волосам.

– Спасибо, Ширл. Зимой в нашем игровом зале она будет в самый раз. Когда открывают входную дверь, мою будку продувает насквозь.

Долли переводила взгляд с одной девушки на другую. У нее в голове не укладывалось: как же можно быть такими тупыми?!

– Красная? Вы когда-нибудь слышали о том, чтобы вооруженные грабители носили красные лыжные маски? И этот комбинезон на тебе – он слишком тесный.

– Сидит идеально. – Ширли обернулась вокруг себя с черной маской в руке и пригладила ткань костюма на своей стройной фигуре.

– Я просила тебя купить комбинезоны, а не костюмы! Рабочие, широкие, мешковатые комбинезоны. Мы должны походить на мужчин. А так я вижу каждый изгиб на твоём теле. И только взгляни на свои лодыжки!

Ширли не раз говорили, что лодыжки – одна из самых красивых частей ее тела.

– А с ними-то что не так? – захныкала она, поворачивая ноги то так, то эдак.

– Для начала – их видно! – отрезала Долли. – Ты даже отдавала этот костюм перешить, чтобы подчеркнуть грудь и добавить повсюду эти дурацкие молнии. Зачем они нужны? Помаду складывать? Я ведь тебе говорила – простые черные комбинезоны, на три-четыре размера больше, чем мы носим. Под ними будет наша обычная одежда, и снять комбинезоны нужно будет очень быстро. Эти костюмы бесполезны, совершенно бесполезны.

Ширли поняла, что не права, так же как поняла это Линда, но если для Линды это стало поводом недовольно надуться, то миролюбивая Ширли тут же попыталась исправить ситуацию. Она натянула на голову большую черную лыжную маску и воскликнула:

– Смотрите, Долли! Что скажете? Маска черная и достаточно большая, чтобы спрятать под ней волосы!

Долли сорвала маску с головы Ширли, прихватив клочок волос:

– Отверстия для глаз слишком широкие, и я просила купить маски, где нет отверстия для рта. Через него видна твоя помада и автозагар.

Ширли уставилась в пол. Да, Долли говорила все правильно, но девушка целых два дня потратила на поиски этих вещей, была и в Харлоу, и в Виндзоре, везде... Ширли сняла комбинезон. «Двадцать пять фунтов коту под хвост, – подумала она. – То есть семьдесят пять, если считать все три».

Линда, стоя в дверях кухни, слушала их препирательства и кусала ногти. Поход Ширли по магазинам оказался пустой тратой времени и денег, с этим не поспоришь, но это из-за Линды у Долли такое плохое настроение, и молодая женщина признавала свою ответственность. Не в такой степени, чтобы взять всю вину на себя, но, тем не менее... Линда решила сделать всем чай.

Долли видела, что Ширли от огорчения вот-вот расплачется, и сменила гнев на милость.

– Если полностью зашить ротовое отверстие и немного ушить глазные, то маски сгодятся. Только покрась остальные в черный цвет, и можно считать, что часть снаряжения у нас готова. Но костюмы никуда не годятся. Нам нужны обычные рабочие комбинезоны, как я тебе и говорила. Когда купишь такие, отрежь все ярлыки и сожги их, чтобы полиции не за что было зацепиться, если одежду найдут.

Ширли поняла, что так Долли извиняется за резкость.

– Ну а туфли? – спросила девушка.

– Покрась их в черный цвет, и тогда сойдут. – Долли закурила. – Идите сюда, обе, и сядьте. Я позвала вас не для того, чтобы обсуждать костюмы и туфли. – В этот момент на кухне щелкнул вскипевший чайник, и Линда пошла заваривать чай. – Сядь на место! – взорвалась Долли.

Поспешно возвращаясь к сидящим на ящиках Ширли и Долли, Линда споткнулась о Вулфа и пнула его под зад, чтобы убрать со своего пути. Долли свирепо глянула на молодую женщину и подозвала песика к себе. Потом открыла сумку и достала черный ежедневник.

– У нас проблемы, – начала она. – Но все по порядку. Я снова просмотрела записи. В налете участвовало четыре человека, а не три.

– Четыре? – повторила Линда и перевела изумленный взгляд на Ширли.

Та тоже недоумевала.

– Их было четверо, и один из них скрылся. Оставив Джо, Терри и Гарри умирать. – У Линды с Ширли отвисла челюсть, но Долли продолжала как ни в чем не бывало: – Видимо, это был кто-то со стороны. Наверное, водитель. Судя по всему, он ехал на грузовике перед машиной инкассаторов. В газетах о нем ничего не писали. Значит, полиция либо еще не вычислила его... в чем я сомневаюсь... либо вовсе разыскивает.

– И не она одна! – вскричала Линда с красным от гнева лицом и подскочила на ноги. – Ублюдок!

– Линда, – мягко произнесла Долли в попытке утихомирить ее.

– Нет! Я имею право сказать, что думаю. Если он оставил моего Джо умирать... если он мог спасти их, но не спас, то я убью его! Долли, клянусь, что сделаю это!

И опять Долли постаралась успокоить Линду, но ту уже было не остановить.

– Нет, я убью его! Вам, может, и все равно, Долли Роулинс, а мне...

В мгновение ока Долли оказалась перед Линдой, та даже не успела закончить предложение. От тяжелой пощечины молодую женщину качнуло.

– Не смей говорить, будто мне наплевать на мужа! – рявкнула Долли. – Я видела, как тебе не наплевать на своего, так что прекращай истерику, сядь и заткнись!

Линда медленно опустилась на ящик. Прикрывая рукой пылающую щеку, она боролась со слезами горя, боли и смущения.

Ширли словно примерзла к месту. Боже, ну и крутой нрав у Долли! Девушка никогда раньше не видела, чтобы Долли теряла самоконтроль, и теперь с трудом верила своим глазам.

Вдова Гарри Роулинса снова села, сделала очередную затяжку и вернулась к своим записям, как будто ничего не произошло.

Из-под копны черных волос донесся дрожащий голос Линды:

– И почему это вы всегда правы?

Перед тем как ответить, Долли медленно выдохнула длинную струю дыма:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Барбара Вудхаус – дрессировщица собак и лошадей, писательница и телеведущая.

Купить: https://tellnovel.com/ru/plant_linda/vdovy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)